

Елена САДЫКОВА

СЕРЕБРЯНЫЙ КРЕСТ

Елена Садыкова
Серебряный крест

«Автор»

2010

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

Садыкова Е. Г.

Серебряный крест / Е. Г. Садыкова — «Автор», 2010

ISBN 978-5-903691-05-0

...Стратегические сказки для взрослых я пишу на основе реальных событий. Секреты успеха и выживания сегодня такие же, как две с половиной тысячи лет назад... Виртуальными становятся компании и деньги, но сохраняются подлинные ценности, понятные и близкие каждому. Я назвала эту книгу «готическая сказка». Сегодня мы все меньше понимаем что реально, а что нет, и где начало событий, влияющих на нашу жизнь. Рядовая поездка героини к брату в Чехию может обернуться крушением чьей-то финансовой империи. Какова связь между современной галереей в старинном переулке Праги и Крестовыми походами? И почему сегодня много говорят о тамплиерах, которые, по сути, были лишь простым инструментом в руках сил более могущественных? И что мы знаем о тех, кто рядом? Чем мы рискуем сегодня? Порой достаточно лишь пары стеклышек, чтобы сложилась истинная мозаика жизни многих поколений. «Серебряный крест» — это сказка о том, как тонкими и прочными нитями времени управляют человеком неведомые ему силы. Мы идем по дорогам, которые уводят в далекое прошлое. Нить древних событий не прерывается, и мы порой не догадываемся, звеном какой цепи событий оказались и где корни того, что происходит сейчас. События сегодня — это лишь малая вершина айсберга прошлого, и это прошлое становится всё сильнее...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

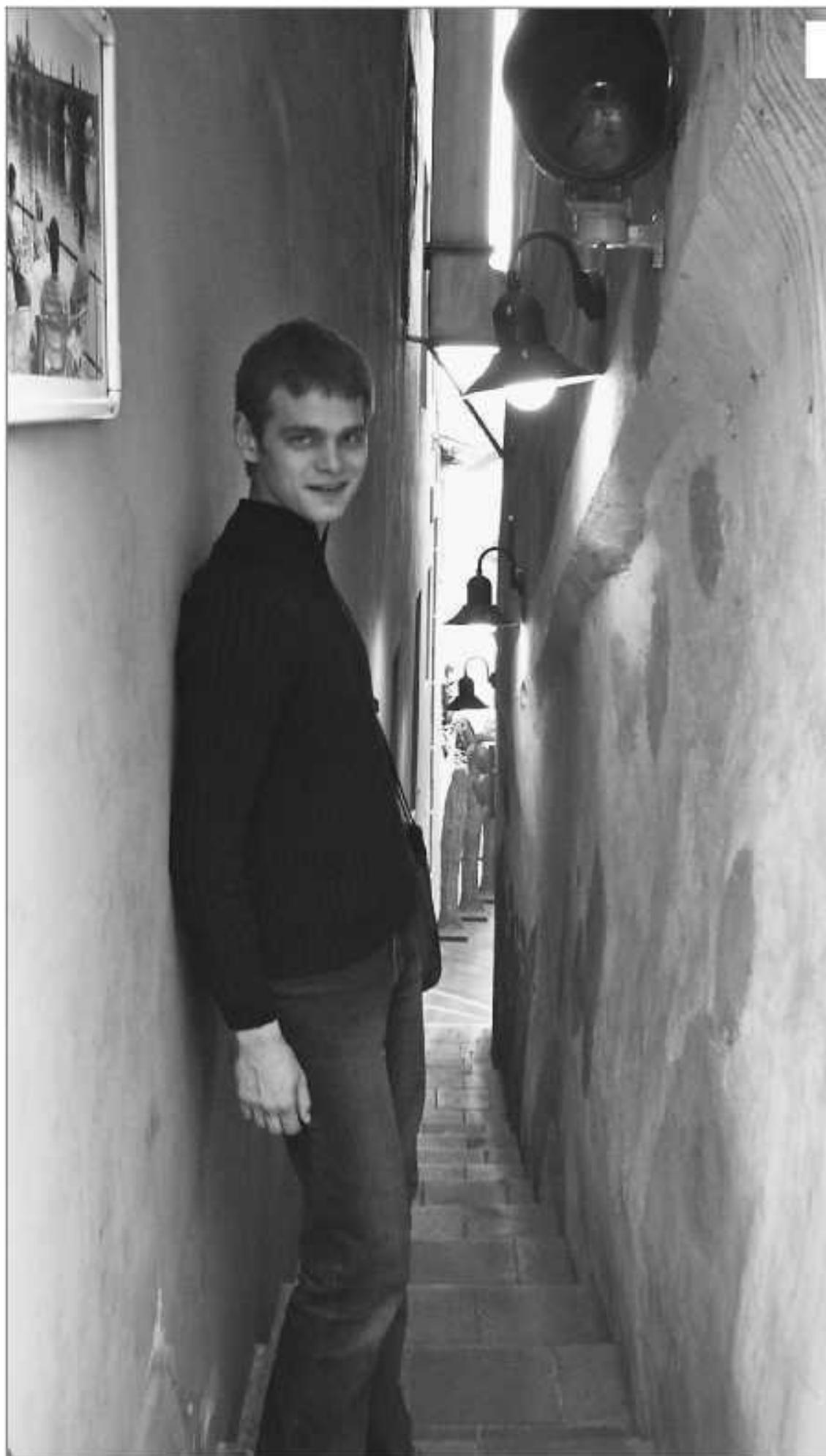
ISBN 978-5-903691-05-0

© Садыкова Е. Г., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1	8
2	11
3	16
4	18
5	21
6	23
7	25
8	27
9	29
10	32
11	36
12	39
13	41
14	43
15	45
16	47
17	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Садыкова

Серебряный крест. Готическая сказка

Братьям нашим меньшим посвящается

1

15 октября 2008 г. Германия, Мюнхен.

Несмотря на раннее утро, возле небольшой, невзрачной на первый взгляд гостиницы «Schwartz» на окраине Мюнхена было припарковано слишком много дорогих машин. Не сказать, чтобы это были породистые автомобили, но пара-другая интересных экземпляров среди них имелась. То же самое можно было сказать и про людей, собравшихся в небольшом конференц-зале, служащем одновременно и комнатой для переговоров.

Официанты, обслуживавшие необычное мероприятие, недоумевающе переглядывались, исподволь разглядывая гостей. Комната была буквально напичкана новейшим оборудованием, и оставалось удивляться, как здесь смогли поместиться еще и гости. Хотя встреча не была заявлена как официальное собрание, в зале царил напряженная атмосфера строгого dress-code. Перед каждым из гостей стояла табличка с именем, но и без этой формальности почти все в этом зале были в той или иной степени осведомлены о деятельности друг друга. Профессиональные журналисты, штат осведомителей которых доходил порой до нескольких сотен человек, знали, сколько стоит информация, которую они могут опубликовать, а могут просто положить в свой стол. И не понятно, за что им заплатят больше. Каждый новый гость, входя в комнату, призывал на помощь свою выдержку, чтобы не выдать изумление столь тесным скоплением звезд пера и политического шантажа.

Небольшие мониторы для оперативной информации светились мерным синеватым отливом, предлагая пользоваться временным отсутствием докладчика и отведать напитки из бара за счет заведения. Начало мероприятия было объявлено на десять утра, но организаторы задерживались. Тягостное ожидание наконец было прервано невысоким плотным мужчиной в роговых очках с золотыми дужками, который буквально влетел в дверь в сопровождении своего помощника – высокого рыжего немца. Помощник положил на стол перед шефом тонкую лазерную указку, приказал закрыть жалюзи на окнах и включил огромный экран, занимающий почти полностью одну из стен зала. Не дожидаясь команды, прислуга бесшумно покинула зал.

Плотный занял место во главе огромного стола, за которым расположились все присутствующие.

– Прежде всего, я хочу извиниться за задержку и поблагодарить вас, господа, за столь оперативное прибытие. Вы наверняка удивлены приглашению с нашей стороны, но на прошлой неделе произошли события, оказавшие существенное влияние на положение дел многих медиа-холдингов Европы.

Присутствующие насторожились, почуяв недоброе, а немец продолжал.

– Нам приходится принимать экстренные меры. И мы надеемся на вашу помощь.

Это было в манере выступающего, призвать на помощь и не сказать ничего конкретного. Правда, большинство сидящих за этим столом знали, что если Ганс Хаггерт не вдаётся в детали, то все гораздо хуже, чем можно себе представить. Ганс был известен своими свя-

зями в высшем обществе почти всех европейских стран, и нередко кто-нибудь из его приятелей обращался к нему за помощью, если дело невозможно было решить своими силами.

Хозяин пробежал взглядом по лицам собравшихся:

– Я вижу в нашем составе некоторые изменения. Надеюсь, все вы получили предварительные материалы.

Хаггерт обратился к помощнику, расположившемуся по правую руку от него, чуть поодаль от стола.

– Дайте картинку.

Помощник чем-то щелкнул, и на экране во всю стену появилось изображение пожилого человека, лет шестидесяти, с холодными серыми глазами. Ганс взял со стола указку, и красное лазерное пятно обвело фигуру на стене.

– Для тех, кто не знает. Это Клаус Фор.

По залу пронеслось тихое шушуканье. Многие были наслышаны, но никто раньше не видел фотографии Клауса, главы одного из могущественнейших финансовых кланов Германии.

Кадр бесшумно сменился.

– А это его внук, Гюнтер.

Мертвую тишину сломал глухой стук. У единственной из присутствующих здесь дам упала на зеркальную поверхность стола и покатилась тяжелая перьевая ручка. Ганс сдвинул брови, но дама, казалось, не заметила его неодобрения, налила себе воды и почти залпом осушила бокал. Сидящий рядом с ней мужчина вопросительно посмотрел на соседку, но она лишь отмахнулась, извинившись за свою неловкость.

С экрана улыбался юноша в черном свитере, с такими же, как у деда, глазами, но с выражением юношеской беспечности на молодом красивом лице. Ганс выключил проектор и сказал:

– Вчера вечером мне позвонили из офиса господина Фора и сообщили, что Гюнтер пропал. Вы, конечно, понимаете, господа, что наследники состояний с двенадцатью нулями не пропадают просто так.

Легкий ропот пробежал по залу:

– И никаких требований о выкупе?!

– А мальчика по значным местам искали?!

– А что говорит служба безопасности?!

Ганс поднял руку, и все сразу притихли.

– Служба безопасности уже ничего не говорит. Разумеется, все известные меры были приняты. Но самое поразительное то, что в это же самое время пропало еще несколько человек, правда, весьма обыкновенных. Несколько иностранных граждан, работающих по контрактам в Европе, и с десятков азиатов. Причем все они – мужчины, примерно одного возраста.

Журналисты снова активировались:

– Ну иностранцы – понятно. Не первый случай.

Ганс снова поднял руку.

– Моя служба уже несколько часов работает над этим делом. И первые результаты меня слегка поразили – след ведет и во Францию, и в Чехию.

Он снова обвел взглядом сидящих и добавил:

– Мы знаем вас как талантливых и успешных журналистов, и надеюсь, сумма вознаграждения приятно удивит вас.

На экране появилась цифра, которая вызвала бурную реакцию.

Ганс усмехнулся.

– Да, за такое вознаграждение я бы и сам не прочь заняться этим делом. Но, к сожалению, моя фигура слишком известна в определенных кругах.

Короткие смешки быстро стихли, и Ганс продолжил:

– Сейчас вы сможете просмотреть информацию, которую не следует выносить за пределы этой комнаты.

Прошло не менее получаса, пока последний из присутствующих поднял глаза на хозяина. Это означало, что теперь все в курсе дела.

– Я не буду осуждать тех из вас, которые сейчас покинут эту комнату. Это будет означать, что они отказываются вести свое расследование ввиду немаловажных обстоятельств.

Не успел Ганс договорить, как больше половины присутствующих спешно поднялись и покинули переговорную, едва кивнув на прощание тем, кто оставался. Ганс вздохнул и развел руками.

– А теперь, господа, я бы хотел внести некоторую ясность в происходящее.

На экранах снова появились колонки цифр и сводки новостей внутренней службы Хаггерта. Попади хотя бы часть из них во внешний мир, это стало бы не просто сенсацией, а известием настолько пугающим, что оно вряд ли было бы воспринято как заслуживающее доверия. Ганс выждал некоторое время, дав присутствующим немного прийти в себя. В это время помощник положил перед ним на стол два конверта. Ганс молча поблагодарил его и продолжил:

– Здесь два авиабилета. Один до Парижа, другой до Праги. Кто готов принять участие в расследовании, может остаться. Остальным я желаю всего наилучшего...

Через некоторое время за столом остались высокий плотный мужчина в черном строгом костюме и рыжеволосая дама в черной блузке. Хаггерт пристально посмотрел на нее и спросил:

– Почему вы уронили ручку, когда я показал снимок Гюнтера?

Дама поерзала на стуле и взяла в руки стакан с кристально чистой водой. Сделав пару глотков, прежде чем ответить, она нехотя призналась:

– Этот молодой человек похож на родного брата моей подруги.

Глаза Ганса блеснули:

– Насколько мне известно, вы из России? А ваша подруга?

Дама кивнула:

– Да, она тоже... Но ее брат сейчас работает в Чехии. Так что, если вы не возражаете, билет до Праги – мой.

К ее удивлению, Ганс обрадовался.

– Вот и славно! Все само собой решилось.

Посмотрев на часы, он добавил:

– Вы летите завтра вечером, в 17.30. Сейчас я покажу, с кем вы должны встретиться.

Ганс повернулся к компьютеру, встроенному в его часть стола, и на экране появилось фото мужчины средних лет, весьма непримечательной внешности.

– Это необычный человек... Его имя Антуан...

2

17 июня 1113 г. Франция, Труа.

Слуги чуть слышно ходили в большом полутемном зале, где огромных размеров стол был накрыт всего на две персоны. Из-за поздней весны каменные стены замка не успели вобрать в себя достаточно тепла, и теперь, несмотря на середину июня, приходилось топить камин. Зная, что его гость мерзнет даже в разгар лета, хозяин усадил Бернара поближе к огню. Хозяин, граф Андре де Монбар, был довольно высоким, величественным сеньором, нагонявшим ужас не только на домочадцев, но и на выдавших виды окрестных господ. Гость, доводившийся графу племянником, напротив, был невысокого роста, худощавый и очень подвижный молодой человек. В свои двадцать лет он уже был главой монашеского ордена цистерцианцев, и его влияние среди знатных домов Франции было так велико, что буквально за год его пребывания на посту орден получил пожертвования столь щедрые, что смог оправиться от своего полуголодного существования и отстроить монастырь Сито.

Обед длился уже больше часа, и по нараставшему за столом напряжению было понятно, что мужчинам не терпится покончить с официальной частью и перейти к тому, ради чего молодой человек нанес графу визит в столь неурочный час. Наконец, племянник, как особа, занимающая более высокое положение, перешел к делу:

– Я всегда счастлив навестить вас, дорогой граф, но ваше приглашение было весьма необычным.

– Необычным?

– Да. Сразу после проповеди ко мне подошел ваш слуга и сказал, что у него ко мне дело чрезвычайной важности, которое не терпит отлагательств.

– И что же вас удивило?

– Подобным способом меня зовут к постели умирающего. Зная вашу страсть к путешествиям, я забеспокоился.

Бернар говорил тихо – сказывалась усталость последних дней. Хозяин поспешил объяснить.

– Я пригласил вас сюда, мой дорогой Бернар, чтобы обсудить вопрос, не терпящий отлагательств.

Племянник незаметно для графа вздохнул и поинтересовался скорее из вежливости, чем из живого интереса:

– О чем же вы хотели переговорить со мной?

Граф преисполнился торжественности и начал со всей серьезностью:

– Не далее как вчера меня посетил сеньор Гуго де Пейне!

Эта новость, казалось, не произвела на Бернара никакого впечатления. Несколько обескураженный граф де Монбар продолжил:

– Когда король Иерусалимский отдал нам под охрану Дорогу Пилигримов...

Бернар внезапно обрел хорошее расположение духа:

– Дорогу Пилигримов?! Скорее, часть храма царя Соломона, или, лучше сказать, его конюшни. И по моим сведениям, дражайший граф, господа рыцари оттуда почти не выходили. Не удивлюсь, если они и пилигримов-то в лицо не видели...

Граф проявил терпимость к словам молодого человека и решил поделиться своими опасениями:

– Меня удивило, что мы так легко получили доступ к Священному Храму.

Бернар вскинул брови и попытался налить себе воды из тяжелого медного кувшина, инкрустированного костью. Для тонких аристократических рук Бернара справляться с огромной посудой было делом не простым. Сделав заговорщицкое лицо, он подмигнул графу:

– Насколько я знаю, эта сделка осуществилась через подставное лицо, одного итальянского купца. Что же вас удивляет? Вы получили разрешение от властителя Палестины открыть госпиталь для паломников к Святым местам...

Граф строго посмотрел на него и торжественно произнес:

– Сеньор де Пейне от имени своего покровителя, Хьюго Шампанского, предлагает цистерцианскому братству участок земли.

– Участок? Для чего?

– Для строительства аббатства.

Брови Бернара вопросительно изогнулись. Граф пояснил:

– Необходимо новое аббатство.

Бернара начинал забавлять их разговор.

– А старые-то чем вам не подходят, мой друг?

– Со старыми сложно будет договориться по некоторым щекотливым вопросам. У них свои уставы, и вводить туда наших людей будет практически невозможно.

Молодого человека все больше забавляла их беседа:

– Проще построить новое, чем переделать старое?

– Именно так. Это новое аббатство должно принять документы, которые скоро привезут из Святой земли. Пергаменты относятся к временам столь древним, что для их прочтения придется привлечь особых книжников.

Бернар вдруг стал серьезен.

– Вы имеете в виду евреев?

Граф де Монбар кивнул:

– Да, евреев из Византии.

– Не тех ли, что старый граф Тибо собрал у себя в Труа? Ходило много разных толков по поводу того, что могущественный граф связался с евреями.

Зная неодобрительное отношение Святой Церкви к евреям, граф понимал, что завел трудный разговор. Он слегка побледнел от напряжения, и его правая бровь начала подергиваться.

– Эти евреи дали нам ключи к тайнам Торы.

– И чего же вы хотите от меня, мой дорогой?

– Девять рыцарей Храма и Братство Госпитальеров поручили мне искать у вас поддержки и благословения и просят вас взять под свою опеку новое аббатство, которое мы назовем Клерво!

Бернар внутренне просиял, но внешне оставался безразличен к словам графа. Де Монбар поднял было кубок с добротным выдержанным вином, но не сделал ни глотка. Бернар молчал, и пауза затягивалась. Наконец, он произнес:

– Во славу господина нашего, я готов оказать свое покровительство! Они принесут мне клятву верности и полного послушания!

Де Монбар пребывал в нерешительности:

– С Госпитальерами все просто – у них строгая организация и могущественный магистр, который держит их в послушании. Однако у рыцарей Храма еще нет главы, признанной святой церковью. Захочет ли папа утвердить новый орден?

Бернар пожал плечами:

– Думаю, что смогу уладить этот вопрос со святым престолом.

Де Монбар отпил наконец пару глотков из своего кубка и озабоченно добавил:

– А как насчет короля Франции? Не будет ли он против того, что на его землях возникнет сила, ему не подвластная.

– Правители погружены в рутину дел своего государства. И, разумеется, своих собственных. Они не видят, что творится у них под носом, не говоря уже о провинциях.

Де Монбар согласился с доводами племянника, и еще какое-то время они сидели молча, занятые каждый своими мыслями. Наконец граф, словно спохватившись, сообщил важную новость:

– Наш сосед граф Хьюго Шампанский вернулся домой из Святой земли.

Бернар содрогнулся. Вообще-то он ничего не имел против этого могущественного сеньора, но...

Поддавшись неприятным мыслям и отбросив приличия, Бернар поднялся из-за стола и подошел к окну. Окна выходили во внутренний двор замка, где обычно полно всякой хозяйской живности, но сегодня во дворе было тихо. Готовясь к приезду столь высокого гостя, хозяин приказал убрать всех дворовых псов в особый загон, откуда даже лай их не было слышно. Объяснялось это странное распоряжение хозяина тем, что его гость не любил собак и граф де Монбар был одним из немногих, посвященных в личные дела святого Бернара. Несколько лет назад окровавленного Бернара принесли в бенедиктинский монастырь, где он чудом выжил, пройдя через страдания, граничащие с возможностями человека.

В ранней юности он полюбил Бланку, своенравную красавицу, дочь одного из мелкопоместных дворян, который чаще упоминал о своем происхождении, чем о богатстве. Девушка с юных лет познала все тяготы безденежья и с молоком матери впитала мечты о сытой и богатой жизни, когда после охоты можно выбросить или отдать служанкам платье, расщепленное колючим кустарником, а не штопать его по нескольку раз. И тут Бернар! Младший сын из большой семьи, без намека на наследство. Таким сыновьям по традиции была прямая дорога в монастырь, где их охотно принимали и где, если повезет, они со временем занимали видные церковные должности. Простые радости жизни – земля, жена и дети – были для них запретным плодом, но Бернар тогда этого еще не знал. Выбрав момент, когда девушка была настроена благожелательно, он почтительно предложил ей свою руку и сердце, чем вызвал приступ негодования и страха у молодой особы. До конца дней влачить жалкое существование?! Чтобы раз и навсегда покончить с притязаниями молодого глупца, красавица Бланка приказала спустить дворовых псов, которых отец обычно брал на охоту на кабанов. Собак подолгу не кормили, и хищники бросались на жертву стремительно и мертво.

Молодой человек не ожидал, что дело примет такой оборот. Получив отказ и оставляя навсегда строптивую красавицу, он беспечно вышел во двор, где его поджидали голодные псы, привыкшие к трудной добыче. Чувство обиды смешалось со страхом. Он побежал, и это еще больше раззадорило псов. Они настигли его в несколько прыжков, стали таскать по каменным плитам двора и рвать на части. Челядь, прижав лица к окнам, показывала на него пальцами и хохотала. Кто знает, чем бы все это закончилось, если бы не отец молодой особы. Когда шум и возня во дворе достигли его слуха, он выбежал на крыльцо и ужаснулся. Ему не жаль было мальчишки, но он не хотел неприятностей. Родственники Бернара были могущественными сеньорами, им покровительствовал сам граф Шампанский. Платить огромный штраф за убийство ему было нечем, поэтому он быстро распинал собак, подобрал окровавленного Бернара и велел слугам положить его на телегу с сеном. Бернар отказался от помощи и, оставляя на земле кровавый след, побрел прочь. По дороге его подобрал какой-то бенедиктинец и принес в монастырь, где Бернар провел не один месяц.

Когда умер старый граф Шампанский, ему наследовал молодой Хьюго. Прельстившись красотой своей молодой соседки, он не раздумывая предложил ей свою руку. Родственники и духовник молодого графа не слишком горячо одобряли этот союз, но против ничего сказать не могли. Девица была знатного рода и хороша собой. А что до богатства,

так у Хьюго всего было предостаточно. Так осуществились мечты молодой девушки. Она и думать забыла о недоразумении с Бернаром, который к тому времени обрел влияние и могущество, соперничающее с влиянием не только графа Шампанского, но и самого короля Франции.

Бернар оторвался от созерцания окрестностей и вернулся за стол.

– Так значит, ваш сосед Хьюго вернулся...

Хозяин рассказал последние новости округа:

– Говорят, что, пока он пребывал на Святой земле, у него родился сын.

Де Монбар заметил, как нахмурились брови Бернара.

– В самом деле? Как жаль!

Недоумение так ясно вырисовалось на лице дяди, что племянник поспешил объяснить:

– Старый граф Шампанский, царствие ему небесное, был богат. Богатства свои он старался приумножить любыми способами. И способ, который он избрал, не имеет ничего общего с королевской милостью.

– Мы все уповаем на милость государя нашего...

Бернар вскочил и почти прокричал:

– Уповайте, граф, на милость Господа нашего! Милость короля слишком изменчива!

Дядя не привык к резким замечаниям. Никому другому они бы с рук не сошли. Де Монбар задумался – это благодать или наказание – иметь в своей семье святого?

Дав графу немного прийти в себя, Бернар продолжил:

– После захвата Иерусалима ваши рыцари вместе с Госпитальерами получили часть южной стороны храма Соломона и прилегающую к ней часть горы Сион.

Граф усмехнулся про себя: странствующие монахи поставляют Бернару сведения или сами госпитальеры?

Бернар тем временем продолжал:

– Вас было девять, дорогой граф. И за эти годы ваша компания никем не пополнилась?

Дядя насторожился.

– Молодой граф Шампанский выразил горячее желание присоединиться к нам.

Бернар улыбнулся.

– Вот вам и объяснение моих слов, почему мне жаль, что у него родился сын.

Граф де Монбар продолжал недоумевать, и Бернар сжалился над ним.

– Граф Хьюго увлекся поисками сокровищ. А чтобы иметь доступ к святыне, ему придется вступить в орден Госпитальеров.

Дядя все еще не улавливал сути, и Бернару пришлось объясниться:

– По уставу ни госпитальеры, ни тамплиеры не могут иметь семью. А наследство свое обязаны передать в руки Ордена.

Де Монбар в ужасе воскликнул:

– И вы позволите отдать им наследство Хьюго?

Бернар поспешил успокоить его:

– Нет, мой дорогой. Его деньги нужны здесь, в Труа. Скоро произойдут события, каких еще не доводилось видеть этой тихой провинции. Поэтому смею предположить, что Хьюго отправит жену в монастырь и отречется от сына.

– Отречется от сына?!

Племянник усмехнулся:

– Всем воздастся по делам своим. Однако мне кажется, что у вас ко мне еще какое-то дело?

Хозяин вздрогнул. Откуда Бернару удастся все знать? Он сделал знак слуге, стоявшему у дверей, и спустя какое-то время в комнату внесли небольшой сундук, обитый позеленев-

шей от времени медью. Де Монбар приказал поставить сундук перед гостем, чтобы тот смог получше разглядеть его.

– Это наша первая находка. Рыцари Храма передают ее вам.

Бернар осторожно открыл крышку. На ее внутренней стороне еще виднелись египетские иероглифы, а на дне лежал небольшой кожаный мешок, потемневший и пахнувший плесенью.

– Что это?

– Сундук был спрятан в стене. Если бы де Пейне не повздорил с Хьюго, сундук никогда бы не нашли.

Бернар сделал над собой усилие, чтобы не усмехнуться. Он вынул мешок, который оказался неожиданно тяжелым, развязал сыромятный ремень и осторожно вытряхнул содержимое на стол. Перед ним лежал странный предмет, ни смысла которого, ни назначения Бернар не знал. Он вопросительно посмотрел на дядю:

– Какой странный крест! Похож на ключ.

Де Монбар пожал плечами:

– Его принесли в Храм Соломона египтяне. Может, кто из книжников знает о его назначении...

Бернар положил необычный крест обратно в мешок и привязал находку к своему поясу. Поблагодарив хозяина и не дожидаясь, пока подадут чашу для омовения рук, он направился к выходу...

3

15 октября 2008 г. Санкт-Петербург.

Ночь в аэропорту – не лучшее, что может случиться у женщины. Но ехать в гостиницу не хотелось, потому что до вылета оставалось не так много. Объявили Франкфурт. Немцы лениво поднялись со своих мест и пошли на посадку. Пассажиров на втором этаже заметно поубавилось. Я с удовольствием вытянула ноги и постаралась задремать. Ничего не получалось, слишком холодно. И почему все эти новые техностроения такие холодные? Наверное, люди и произведения живописи в такой температуре хорошо сохраняются. В оправдание этой версии температурного режима сразу за углом была выставка работ местных художников. Побродив среди картин и погревшись в ярких пятнах периферийной живописи, я переместилась в буфет. Рядом с урчанием кофе-машины я почувствовала себя гораздо лучше, да и в сон не так клонило. Когда я допивала вторую чашку, объявили Прагу.

Таможенный контроль в пять утра соблюдал формальности, но не проявлял бдительности, и все сонно шли через duty-free к своим выходам. Позвонил Андрей:

– Купи сигарет. У меня заканчиваются, а утром нам придется ждать, пока откроются магазины.

– Хорошо. Ты что сейчас куришь?

– «Давидофф лайт».

– Дамские? – съехидничала я.

– Белые – прошипел он в ответ.

Я летела к брату. Наша с ним разница в возрасте была больше, чем у него с моим старшим сыном, и относилась я к нему как к «братьям меньшим» – с любовью. Когда Андрей сообщил, что его переводят из нашего сибирского города в Прагу, образовалась пустота, которую ничем не заполнишь, пока сама не зарастет. Блок сигарет целиком поместился в моей новой дамской сумочке, специально предназначенной для перелетов. В нее много чего такого могло поместиться, но я сдерживала себя изо всех сил.

Новенький «боинг» еще набирал высоту, но заботливые стюардессы уже предлагали всем желающим алкогольные напитки. Я не стала отказываться, но из пластикового стакана с красным вином смогла сделать только пару глотков. Потом самолет наклонился, незакрепленный столик спружинил, и вся кроваво-красная жидкость оказалась на моих любимых белых штанах. Стюардесса, увидев мой ужас, компетентно заявила:

– Не беспокойтесь, у нас такое бывает почти каждый рейс. Нужно смывать минералкой.

– Минералкой?!

– Она с газом. Это помогает от винных пятен.

– Я даже не знаю, что из этого считать пятном – остатки белого или красное?

Стюардесса гордо вскинула голову и сказала:

– Идите в туалет, раздевайтесь. Я сейчас принесу полотенце и пару бутылок воды.

После того как я заняла свое место в туалете первого салона, им уже никто не смог воспользоваться в течение всего полета. С пятном справиться удалось, но к тому времени, когда самолет начал снижаться, на мне было мокрым все, что ниже пояса.

Андрей оторопел:

– Ты самолетом летела или часть пути вплавь?

– Ты сам-то как думаешь?

– Думаю, что это бывает только с тобой.

Он чмокнул меня в щеку.

– Как долетела?

– В туалете.

Брат не расстраивал меня больше вопросами про мой внешний вид. Решил спросить про огромных размеров чемодан, который катил перед собой.

– Что в чемодане?

Я разозлилась окончательно:

– Твои вещи!

– А я думал, что пассажиры летают со своими вещами.

– Это все, что ты забыл, когда приезжал на каникулы. Я тогда в проводах не участвовала, но твоё состояние могу оценить по количеству забытой одежды.

– Не ворчи. Кто что мне прислал?

– Кто что.

– Куртку мою любимую передали?

– А как же! Маменька её первой сложила. После вот этого и ещё пары твоих джинсов я перестала сопротивляться. Все складывали, кто что хотел.

– Чудненько!

Не знаю, что он имел в виду – что я не сопротивлялась или что у него теперь меньше шопинга. В машине мы закурили, и мне полегчало. В тот момент я ещё не знала, что события тысячелетней давности, начинавшиеся на том самом месте, где была припаркована машина Андрея, выскользнут из мрака и тонкой, но прочной нитью вплетутся в мою жизнь.

4

1113 г. Франция, аббатство Клерво.

Строительство аббатства Клерво подходило к концу. Бернар был неутомим. Его доверенные лица уже вели переговоры с еврейской общиной по поводу размещения наиболее уважаемых ученых в монастыре. Пожилой еврей Равви, возглавлявший общину, сомневался в целесообразности такого предложения, но Бернару не терпелось начать изучение находок. Первые свитки со Святой земли уже привезли, и теперь нужны были усилия более тонкие и значимые, чем поиск старых рукописей.

Время шло, а кельи, предназначенные для толкователей, все еще пустовали. Помощник Бернара, Антуан, как-то пожаловался своему господину:

– Евреи не хотят жить под покровительством святых крестов.

Бернар отмахнулся:

– Значит надо помочь им понять всю привлекательность нашего предложения.

– Помочь?

– Если они будут чувствовать себя в безопасности только под крышами нашего аббатства, а их семьи будут сыты и спокойны только под защитой ордена цистерцианцев, они не будут против святых крестов. И отдадут нам свои знания.

– Вы предполагаете, Монсеньор?!

Бернар строго посмотрел на него:

– Я думаю, вы достаточно благоразумны, мой друг, чтобы не беспокоить евреев здесь, в Труа. Одно дело, когда человек чего-то опасается или чем-то напуган, но совсем другое, если горе коснулось его слишком сильно и его разум помутнен.

Антуан задумался, а Бернар продолжил:

– Если до еврейских старейшин в Труа дойдут слухи, ну, скажем, откуда-нибудь с берегов Рейна о еврейских погромах, они забеспокоятся.

– И мы предложим им свою защиту?

– И защиту их братьев на Рейне тоже.

Помощник поклонился, и уже через пару часов отряд всадников пустился в путь к берегам Рейна с важной миссией.

Дела шли хорошо как никогда. Щедрое пожертвование знатных вельмож рекой текли в сундуки цистерцианцев. Закончилось строительство Клервосского аббатства, но до аббата Ардена, влиятельной фигуры цистерцианского ордена, дошли слухи, что Бернар собирается большую часть средств потратить на строительство еще одного аббатства. Генеральный капитул, собравшийся в Сито, решил обратиться с этим вопросом к самому Бернару:

– Наш дорогой брат, Клервосское аббатство закончено. Почему же вы настаиваете на еще одном, строительство которого повлечет огромные затраты?

Бернар, обычно не терпевший возражений, вопреки всеобщему ожиданию спокойно сказал:

– Я не настаиваю.

Арден взял слово:

– Архитектор, который строил Клерво, сообщил мне, что вы намерены перевести его на работы в Понтины, для постройки нового аббатства. Это так?

– Я думаю, что еще одного аббатства будет мало.

Аббаты в удивлении переглянулись.

– Мало?! А сколько же тогда будет достаточно?

Ропот недовольства пролетел по рядам. Средств ордена хватило бы для безбедного существования на несколько поколений, и вдруг такая расточительность!

Бернар окинул взглядом высокое собрание, резко встал и поднял над головой стул, на котором только что сидел.

– Посмотрите, братья, на этот стул.

Взоры собравшихся в недоумении остановились на простом деревянном стуле незатейливой работы местных монахов. Ничуть не смущаясь, Бернар продолжал:

– Если бы у него была одна нога, кто-нибудь из вас относился бы к нему серьезно?

Аббаты замолчали в ожидании, чем закончит свою странную речь Бернар.

– Даже двух или трех ног ему мало для устойчивости. Нужны четыре! Тогда он будет прочно стоять, и вы отнесетесь к нему с уважением. Поэтому, исходя из имеющихся на сегодня средств, мы сможем осилить строительство еще трех аббатств – Понтины, Лаферте и Моримо.

– Еще трех?! Безумие!

Бернар вскинул брови и почти прокричал:

– Безумие?!

Губы его дрожали.

– Наш орден ежегодно принимает в свои ряды новых братьев, и скоро мы не поместимся в старых убогих монастырях. Новые люди идут проповедовать, и новые пожертвования текут в наши хранилища. А как вы думаете, господа, долго ли нам позволено будет наслаждаться плодами праведных усилий и скромной жизни?

Все пятеро членов капитула и их приближенные переглянулись и в недоумении уставились на молодого человека. Наконец аббат Арден, как самый достойный из братьев, взял слово:

– Наш орден находится под святейшим покровительством папы Иннокентия Третьего! Бернар рассмеялся.

– А как вы думаете, мой дорогой Арден, кто первым будет участвовать в дележе нашего золота? Его святейшество папа! Ему постоянно не хватает денег. Крестовые походы – весьма затратное предприятие!

Присутствующие молчали. В памяти многих еще свежи были картины разграбления папскими войсками сокровищниц монастырей, объявленных еретическими.

Бернар продолжал:

– Мы не устоим ни перед папой, ни перед королем, который, кстати, тоже не прочь поживиться нашим имуществом, если у нас будет всего два или три аббатства! Нам нужны четыре-пять главных монастырей и десятки монастырей не только во Франции, но и в соседних государствах. Только в этом случае мы сможем выжить. Нужно создавать себе опору, а не сидеть на одноногом стуле!

Члены капитула молчали, но каждый из них понимал, что Бернар прав. И прав он прежде всего в том, что неразумно им предаваться праздной размеренной жизни. Времена сейчас тревожные. Рыцари, вернувшиеся из Первого Крестового похода, не принесли ничего в свои края, кроме нищеты и разорения. Никаких сокровищ, которые так манили их еще год назад, они не нашли, зато лишились последнего за время своего отсутствия. Местные феодалы разграбили оставшиеся без защиты земли и замки крестоносцев, продали в рабство их жен и детей. Вернувшиеся рыцари превращались в разбойников, грабивших окрестности, чтобы выжить. Непростительно сегодня быть богатым и беззащитным! И для защиты монастырских сокровищниц создавался новый, воинствующий орден. Его девизом стало: «Все может случиться, но ты должен доставить Сокровище».

Тайные доносчики Бернара сообщали, что поиски на Священной Земле подходили к концу. Теперь нужно было не просто доставить сокровища через земли, кишасшие бандитами и рыцарями, но и сохранить их во славу нового ордена. Теперь уже призывы Бернара не воспринимались аббатами как чрезмерные, и Генеральный капитул принял решение – к моменту возвращения Храмовников должна быть построена цепь аббатств: Клерво, Понтиньи, Лаферте и Моримо, с центром в Сито, где будет находиться Глава капитула – аббат Арден.

Арден уже собрался объявить собрание оконченным, как Бернар снова взял слово.

– Мои дорогие братья! Даже если мы построим надежные укрепления для нашего ордена, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

Никто не удивился, было бы слишком просто, если бы их святой повел речь лишь о строительстве. Обсуждение самых важных вопросов он всегда приберегал напоследок.

– Если мы допустим вмешательство светских или духовных властей в наши дела, нам лучше прямо сейчас распустить орден! Нужна особая булла папы. Орден Тамплиеров должен подчиняться мне, папе римскому и никому более. Ни местным, никаким другим феодалам – светским или духовным.

Аббаты взволновались:

– Вы считаете это возможным?

Бернар был спокоен.

– Конечно, господа. Тем более что прецедент уже есть – орден Госпитальеров. Эти господа конкурируют с нами в поисках сокровищ, а нам бы следовало объединить усилия.

Аббат Арден со всей серьезностью обратился к аббатам:

– Каждый из вас обладает весом и способен решить одну из задач, поставленных перед нами. Будет правильно разделить власть и деньги. Большие деньги притягивают большие проблемы.

Все напряженно смотрели на него, стараясь уловить суть сказанного и оценить, какую из задач должен решить каждый.

Арден поспешил объяснить:

– Даже могущественному ордену не нужны проблемы с властью, будь то светская или духовная! Мы отдадим все сокровища под охрану ордена Тамплиеров. Это рыцарский орден, и при хорошей организации он сможет за себя постоять, с божьей помощью!¹

¹ Святой Бернар сам составил устав ордена Тамплиеров, и члены ордена все как один присягнули ему на верность вместе с орденом Госпитальеров. В январе 1128 года – единственный случай в истории – для официального признания ордена Тамплиеров был созван особый церковный собор в Труа – на землях графа Шампанского. А уже в июне 1135 года пизанский собор под предводительством папы Иннокентия II установил ежегодный налог на всех архиепископов, епископов и аббатов в пользу ордена Тамплиеров.

5

15 октября 2008 г. Чехия, Прага.

В пражской квартире Андрея я была впервые. Это была небольшая холостяцкая квартира в районе Вышеграда, но она мне почему-то сразу понравилась. Кухня у чехов считается за комнату, поэтому квартира значилась как двухкомнатная. Половину жилой площади занимала огромная кровать, и больше никаких дополнительных спальных мест во всей квартире не было, если не считать раскладного диванчика на кухне. Пара тумбочек и дизайнерская лампа на потолке составляли все убранство. Андрей показал на кровать:

– Я сплю у окна.

Я согласилась с правом обычая, но внесла коррективы.

– Тогда уберу все с этой тумбочки. Я на ней расставлюсь, чтобы с кровати можно было достать что нужно.

Андрей быстро сгрел с поверхности какие-то бумажки, проспекты, сотики и плюшевого мишку.

– Это кто?

– Друг.

Я хотела съязвить, но поленилась.

Кухня оказалась вполне оборудованной и просторной, вот только с газовой плитой. Газа я слегка побаивалась. Пока не появились пьезозажигалки, я просто включала газ и пыталась попасть в него горячей спичкой, кидая ее с безопасного, на мой взгляд, расстояния.

Небольшим сюрпризом для меня было отсутствие двери в ванной комнате.

– Не удивляйся. Я ремонт еще не закончил. Повесим простыню.

– Тогда прибей гвоздями, чтобы не падала.

Налево от входной двери располагались санузел и шкаф, из которого на меня сразу же выпала пара мусорных пакетов, набитых житейским хламом – это я двери перепутала. Андрея удивило поведение этих самых пакетов. Он стоял посреди коридора и почесывал за ухом. Поза его выражала крайнюю степень озадаченности. Я поинтересовалась:

– Раньше они что – не падали? Ты их весь год собирал?

– В том то и дело, что не падали. И весь год.

– Не поняла.

– Мусорка для непищевых отходов приезжает к нам редко, нужно ждать машину к определенному сроку, в определенный день. Мне всегда некогда, да и место в шкафу еще было.

– Так оно и сейчас есть.

– Сейчас есть. А пару дней назад не было.

Я уточнила:

– А ты что, пару дней сюда не заглядывал?

Он передразнил меня:

– А ты что, каждый день в кладовку заглядываешь?

– Вообще-то нет. Но когда заглядываю, мусора там меньше не становится.

– Вот. А у меня стало. Вернее «не стало».

– Кому-то понадобился?

– С ума сошла?

– Не уверена. Но лучше проветриться.

На улицах было безлюдно. В выходные, если не сезон, Прага пустеет. На одной из улиц нам встретился джентльмен, который старался пройти мимо нас, но прицел его подвел, и он с мягким стуком налетел на меня:

– Пардон, мадам! Закваска!

Мне стало весело. Прикольный у них язык. Мне нравятся их полусмешные названия: «студёны предкормки» – холодные закуски. С них мы и начали свой обед. Правда, Андрей предупреждал, что величина блюд здесь отменная, салатов не требуется. Кнедлики с гуляшом и прочий гастрономический чешский колорит мы запивали в уличном кафе на Вацлавской площади, согреваясь последним в этом сезоне солнечным теплом.

6

15 октября 2008 г. Прага.

Сказывалась бессонная ночь, и я тихо разомлела на солнышке. В Праге было тепло, и у меня появилась надежда, что большинство теплых вещей, которые я везла «на всякий случай», мне не понадобятся. Брат взялся решить вопрос моих развлечений на ближайшие пару дней и теперь, откинувшись на спинку стула, листал яркую книжицу карманного формата. Книжка оказалась расписанием поездов и пригородных автобусов.

– Куда едем?

– Да вот, думаю. На машине нам ехать или на автобусе?

– Лучше на автобусе. Так можно и выпить, и проблем с парковкой не иметь.

– Там трудно иметь такие проблемы. Место тихое, машин мало.

– Тогда остается аргумент в пользу выпить.

– А есть за что?

Я думала, но недолго.

– Скорее «от чего». Я еще не знаю точно, но мне кажется, что я влюбилась.

– Когда успела? Помнится, пару месяцев назад разговоров об этом не было.

– Пару месяцев назад разговаривать было некогда. Все были в свадебном угаре.

Андрей подгадал свои каникулы как раз к свадьбе Людмилы, нашей двоюродной сестры. Мы с Данилом к тому времени только что вернулись из очередной китайской поездки, дома накопилась чертова уйма дел, так что с Андреем мы виделись урывками. Потом он пошел по рукам, то есть по друзьям. А когда пришел, уже нужно было улетать. Так что было не до откровений.

– Ну, можно и сейчас. Как я понял, предмет твоей страсти сейчас в Праге. И семинар, на который ты сюда приехала, – просто предлог, чтобы вырваться из дома.

– Правильно понял. Но знакомить я вас не буду. Надеюсь, что мое увлечение скоро пройдет.

Брат покачал головой.

– Какие меры профилактики принять?

– Муж уверен, что я по делам. Маменька хоть и подозревала неладное, но выяснять ничего не стала.

– Уверена, что ввела в заблуждение все семейство?

– Точно сказать не могу, но надеюсь, что так.

– А как же дети?

– Живы, здоровы, растут. На них мои приключения не отражаются, я за этим строго слежу.

– Хочешь сказать, что и раньше пошаливала на стороне?

– Как любая порядочная женщина. Только пошаливала.

Брат усмехнулся.

– Ты знаешь, я бы не хотел ничего менять в составе наших родственников. Каждый член нашей семьи мне очень нравится.

– Я постараюсь сохранить весь состав.

– А если Данил захочет приехать? Я не смогу отказать твоему мужу в гостеприимстве! Никаких оснований!

– Ну ты же юрист. Придумаешь что-нибудь.

– Сумасшедшая! Ладно, может, он и не захочет.

Андрей поднялся, оставил деньги на блюде под салфеткой, и мы направились к выходу.

– Пойдем, я покажу тебе Пьяный домик.

– Я сама сейчас как Пьяный домик. Можешь показать ему меня.

Домой к Андрею мы вернулись рано, еще не было и девяти. Это по пражскому времени. У меня дома в это время было уже два часа ночи. С трудом заставив себя принять душ, я моментально отключилась.

7

12 октября 1127 г. Аббатство Клерво. Франция.

В небольшой светлой комнате, где деревянные перекрытия потолка еще хранили запах свежей древесной смолы, ученик осторожно разворачивал старый свиток. Стоявший поблизости Равви прикрикнул на него:

– Не торопись! Разворачивай бережно! Смотри, чтобы чернила не обсыпались всякий раз, когда садишься за работу. Здесь важна каждая черточка.

Расшифровка старых рукописей длилась уже больше года. С тех пор, как со Святой земли начали поступать первые свитки, ученые евреи не знали отдыха. Почти каждый день в большом зале, специально отведенном для научных бесед, собирались книжники, и временами их научная беседа напоминала скорее перебранку на базаре, чем ученый спор достойных мужей. Бернар, зная их неистощимую способность горячо отстаивать свою точку зрения, сам не принимал участия в философских дискуссиях, всякий раз грозивших перейти в потасовку. Однако ему регулярно докладывали о том, как продвигается дело.

Его личный помощник Антуан два раза в неделю являлся с докладом в кабинет аббата Клерво. Небольшая комната в самом конце коридора на втором этаже вызывала у него священный трепет. Антуан, сотни раз переступавший порог незатейливых апартаментов аббата, сегодня медлил, с трудом заставляя себя сделать последний, решающий шаг и постучать в дверь Монсеньора. С каждым разом ему все труднее было приносить неутешительные известия. Бернар уловил замешательство своего помощника:

– Как поживают наши бородатые мудрецы? Они еще не решили, какое толкование принять за единственно верное?

Антуан возблагодарил бога за то, что Монсеньор первым начал этот нелегкий разговор.

– Судя по исписанным пергаментам, дело движется.

Бернар воздел руки к небу.

– О, Дева Мария! Как можно судить о продвижении дела по количеству исписанной бумаги?! Чтобы лучше понимать ход мыслей наших книжников, я хочу, чтобы братья, у которых есть способности к наукам, посещали занятия и ученые беседы вместе с евреями.

Помощник поклонился, но легкая тень пробежала по его лицу.

– Монсеньор, наших братьев отличает скорее склонность к благочестивым размышлениям, а не к книжным трудам.

Бернар вспыхнул:

– Все братья знают Устав нашего ордена! И это означает, что никто не воспротивится, если их призовут к делам, более достойным, чем размышления на досуге.

– Да, Монсеньор.

– И еще.

Помощник, собиравшийся было уйти, замер в ожидании.

– Антуан, спросите у Равви, есть ли среди свитков тот, который я жду. Вернее, его ждет господин Гуго де Пейне.

Антуан отлично знал, что Гуго уже считает себя Великим Магистром ордена Храмовников и что ему надоело торчать в конюшнях храма Соломона со своей свитой. Почти ежедневно от него приходят запросы, как долго еще рыцарям пребывать в поисках на Святой земле.

Он набрался храбрости и спросил:

– Сеньор де Пейне хочет успеть к священному собору?

Бернар кивнул.

– 14 января на священном соборе здесь, в Труа, через три недели после празднования Рождества Христова, папа римский должен объявить миру о признании нового ордена.

– Насколько я понимаю, это крайний срок для расшифровки текстов?

– Вы правильно меня поняли, мой дорогой. Я должен принять решение – оставаться ли Гуго с компанией на Святой земле или позволить им вернуться. Если среди свитков не будет того, который мне нужен, Гуго останется у гроба господня до конца дней своих. И тогда великим магистром объявят кого-нибудь другого, ввиду отсутствия самого Гуго.

– Почему?!

– Потому что он не справился с задачей и не нашел нужный мне свиток.

– А если Гуго нашел его, но документ был неправильно истолкован или отложен как недостойный внимания? Монсеньор, здесь возможно недоразумение!

Бернар резко повернулся и подошел почти вплотную к Антуану:

– Постарайтесь избежать подобных недоразумений! Иначе вам предстоит испытать гнев Гуго на себе!

У Антуана застучало в висках. Он был наслышан о свирепости воинов Христовых, для которых ничего не стоило признать человека язычником и сварить его заживо, а потом или съесть самим, или отдать собакам – в зависимости от степени уважения к этому человеку. Вытерев со лба выступившие капельки холодного пота, Антуан поспешил заверить аббата:

– Недоразумений не будет, Монсеньор!

8

13 октября 1127 г. Аббатство Клерво. Франция.

Антуан был не на шутку встревожен. Он лихорадочно соображал, как можно проверить содержимое текстов, в которых он ничего не понимал. От самого Равви ему ничего не добиться. Тут надо действовать наверняка, и он вспомнил о юном помощнике старого еврея, которого тот постоянно держал при себе. Антуан поспешил в комнату, где работали переводчики. Под самым сводом аббатства располагалась довольно большая светлая комната, где несколько больших деревянных столов располагались прямо посередине, окруженные деревянными лавками. Множество сундуков, специально изготовленных монахами для хранения древних текстов, стояли вдоль стен. Антуан оглядел незатейливое убранство и убедился, что Равви в комнате не было. Исаак еще работал, склонившись над древним свитком и помечая в тексте какие-то слова. Помощник Бернара вкрадчиво заговорил с молодым человеком:

– Исаак, скоро придут новые свитки. Часть из тех, что лежат здесь, нужно будет убрать в подвал или сжечь.

На юном лице отразился ужас: эти христиане – варвары!

– В подвал?! Там же сыро, да и крысы.

Антуан, казалось, не расслышал голоса юноши. Он продолжал:

– Отбери самые ценные, которые нужно оставить здесь.

Юноша подскочил к одному из сундуков, стоявших у стены, быстро открыл крышку и начал проворно перебирать свитки. Через какое-то время он извлек два ничем не примечательных документа, на первый взгляд таких же как и все остальные.

– Эти? Ты уверен, Исаак?

Юноша поклонился.

– Конечно, господин. Эти два – самые ценные!

Антуан осторожно взял свитки.

– Какой из них самый ценный, по-твоему?

Молодой человек преисполнился важности: сам помощник святого Бернара спрашивает его мнение!

Он взял в руки тот, что поменьше, и сказал:

– Вот этот, господин.

– Почему? Ведь во втором документе много цифр, а здесь лишь несколько слов.

– Слова важнее. Они появились много раньше, господин.

Антуан задумался. «Вначале было Слово»...

– Хорошо, Исаак. Сделай копии с обоих документов.

– У нас уже есть копии этих документов. Они у господина Равви.

– Равви они могут понадобиться. Новые копии нужны для самого аббата де Клерво.

Исаак поклонился и продолжил свою работу. Антуан взял его за плечо.

– Ты не понял, мой мальчик. Отложи свои дела и начинай переписывать эти два свитка.

– Прямо сейчас?!

– Прямо сейчас. И ты не выйдешь из этой комнаты, пока не закончишь работу.

Антуан повернулся и направился к выходу. В дверях стоял Равви.

С трудом сдерживая гнев, еврей спросил:

– Теперь вы здесь командуете?! Зачем он должен заново переписывать тексты?

Антуан ничуть не смутился.

– Насколько я знаю, это входит в его обязанности.

Он вплотную подошел к Равви:

– Вам лучше уйти.

Глаза Равви сверкнули темным блеском, и он, бросив в Исаака испепеляющий взгляд, вышел из комнаты.

Антуан вернулся к юноше.

– Я закрою тебя здесь одного, пока ты не закончишь работу.

Он окрикнул монаха, который проходил мимо по своим делам, и тот сбегал за привратником. Старый привратник с большой связкой ключей с интересом посмотрел на Антуана, но тот не стал удовлетворять его любопытства:

– Закрой этого юношу, брат, и побудь здесь. Когда он закончит работу, приведешь его ко мне вместе с рукописями.

Затем он обернулся к монаху.

– Найди Равви и не своди с него глаз. Он не должен подходить сюда на расстояние крика...

9

20 октября 1127 г. Аббатство Клерво. Франция.

Через семь дней на столе аббата де Клерво лежали два документа. Исаак сделал много пометок возле колонок с цифрами, но ни одно из толкований не показалось Бернару правильным. Похоже, что юноша еще не был готов работать с документами такой сложности. Бернар велел привести Равви.

Старый еврей впервые переступал порог комнаты Монсеньора, служащей ему и кабинетом, и спальней. Неделю назад помощник аббата открыто выразил ему свое недоверие, и это был плохой знак. Теперь Равви не знал, чего ему ждать от этого разговора, и внутренне был готов ко всему.

Аббат де Клерво с интересом наблюдал за стариком. Выражение лица Равви менялось ежесекундно, и наконец он с вызовом посмотрел Бернару прямо в глаза и поклонился.

– Приветствую вас!

– Рад видеть вас, Равви.

Что-то в голосе хозяина подсказывало Равви, что ему вовсе не рады.

– Вас что-то беспокоит? Раньше меня не вызывали сюда. Вы находили боле подходящее время и место для встреч.

– Раньше я был уверен, что вы выполняете свое обещание так же, как я выполняю свое.

Бернар не предложил ему сесть, и Равви стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Выполняете свое обещание?

– Вы и ваши семьи находитесь под защитой нашего ордена. В Труа, как и в других графствах Франции, где существуют цистерцианские монастыри, евреев никто не смеет беспокоить.

Равви усмехнулся.

– Ваша милость не имеет границ.

– Имеет!

Пока Равви изображал удивление, Бернар совладал с собой:

– Вам больше не стоит рассчитывать на мою милость.

– Что могло вызвать ваше неудовольствие, Монсеньор?

Бернар мысленно улыбнулся. Равви очень напуган, если назвал его Монсеньором. Бернар открыл боковой ящик своего огромного стола и положил прямо перед евреем два документа.

– Мое неудовольствие вызвали вот эти тексты. Полгода назад вы отдали их моему помощнику, как нечто, не достойное нашего внимания. Вы обманули меня!

Глаза Равви стали маленькими и жесткими.

– А что мне оставалось? Из Германии доходят слухи об избиении еврейских семей и разграблении их домов! А мои люди?! Сколько они еще будут под вашим покровительством? А если мы больше не будем нужны вам? Что тогда?

Гнев аббата закипал с новой силой. Он прошипел:

– Наш договор...

Его впервые прервали в собственном аббатстве. Старик почти кричал:

– Договор между львом и кроликом!

Бернар оборвал его:

– Нет! Между львом и собакой.

Равви побледнел. Аббат де Клерво не любил собак, и все это знали.

Посмотрев на сторбившегося от испуга человека с трясущимся подбородком, Бернар понял, что зашел слишком далеко. Если Равви уйдет, никто не сможет расшифровать древние тексты. Толкований, конечно, будет много, но никто не поручится за их достоверность. Равви нужен ему как союзник. Он призвал всю свою выдержку и сказал примирительно:

– Если вы затынете с переводами, мои средства истощатся. Без денег я уже ничего не смогу сделать для вашего народа. Подумайте об этом, Равви.

Бернар показал старику на стул. Еврей осторожно опустился на краешек и взял со стола пожелтевший свиток.

– Здесь говорится о том дне, когда была создана Земля.

– А эти цифры? Что они могут означать? Почему вы не описали их, но отдали документ как законченный?

Еврей подумал немного и решился:

– Хорошо, я вам расскажу. Эти цифры со стрелками создают линии на поверхности земли. И там, где они пересекаются, вот, видите знак, в недрах скрыты сокровища. Это не простые клады. Это отражение Луны, которое Бог вложил в нашу землю. Это...

Бернар закончил его мысль:

– Серебро! И так много!

– Самые богатые недра скрывает гора с тремя вершинами. Вот, видите?

– Бжезловая гора. Это в Чехии. Но там у нас еще нет монастырей.

– Я думаю, что это не будет большим препятствием для вас, Монсеньор. Наш народ живет повсюду, и я точно знаю, что эти места еще никем не заселены, а месторождения не тронуты. Вам будет довольно просто купить эти земли для строительства монастыря.

Бернар усмехнулся. Значит, Равви уже навел справки.

– Хорошо. А почему из всех текстов ваш помощник выбрал вот этот?

Бернар протянул ему копию манускрипта. Равви сокрушенно покачал головой.

– Это самый сложный документ, какой я когда-либо видел. Здесь каждое слово имеет двойное, а иногда и тройное значение. Это древние заклинания, и к ним нужен ключ. Раньше жизнь человеческая отмерялась столетиями. В определенное время посвященный в таинство жизни произносил слова в особой последовательности. Это древний ритуал продления жизни. В тексте их порядок намеренно нарушен, и как правильно расположить слова, я пока не знаю.

Сердце Бернара заколотилось. Перед его глазами стояли колонки слов на непонятном ему древнем языке.

– Слишком много...

– Да, Монсеньор. Их возможных сочетаний – бесчисленное множество.

Бернар лихорадочно вспоминал. Ключ! Древний египетский крест странной формы, который передал ему де Монбар!

– Вы сказали, вам нужен ключ?

Бернар снова подошел к столу и вынул из нижнего ящика кожаный мешочек. Быстро развязав веревки, он вытряхнул из него металлический предмет, который с гулким стуком упал на стол.

Равви вскочил. Дрожащими от волнения руками он взял крест и прижал к груди.

– Как же я не догадался?! Конечно, Анкх! Древний ключ царства мертвых!

С безумным взглядом он вскочил и бросился к двери. Обернувшись, он прокричал:

– Я знаю! Теперь я знаю!

Глядя ему вслед, Бернар тихо пробормотал:

– Древний ритуал на кресте. Ну что ж... Теперь я тоже знаю.

Равви ушел, а Бернар еще долго пребывал в прекрасном расположении духа. Благодаря первому свитку у него появилось самое сильное орудие влияния на пап и монархов – деньги! Можно отзывать Гуго из Святой земли и готовить священный собор в Труа. Новый орден Тамплиеров будет признан церковной властью и возьмет на себя все риски, связанные с поиском, сохранением и приумножением сокровищ. Равви может не беспокоиться. Он еще не раз понадобится и Бернару, и новому ордену. Христианин не может вести дела как ростовщик и давать деньги в рост. А евреи могут. Это их предназначенье, так же как работорговля. Значит, тамплиеры будут вести свои дела через евреев и получать огромные доходы по всем командорствам, которые будут созданы на землях христианских правителей!

10

16 октября 2008 г. Прага.

Утром я проснулась оттого, что Андрей громко разговаривал с кем-то по телефону. Он хоть и вел свои переговоры на кухне, но так громко, что проснулись, наверное, даже в доме напротив.

Я натянула шорты и майку и поплелась на кухню. В Праге было девять утра воскресенья, а мой брат уже был в полной боевой готовности – белом свитере и джинсах.

– Ты чего орешь как потерпевший?

– Да я и есть потерпевший! Вот уроды!

– Подробнее, пожалуйста.

– Наш офис обокрали.

– Так ты на работу собрался?

– Придется. Но я ненадолго. Выпей кофе и прогуляйся по центру. Там и встретимся.

Андрей схватил куртку и вылетел из дома так быстро, что я даже не успела спросить про ключи. Ну ничего, может, найдется какой-нибудь запасной комплект. Я побулькала водой в чайнике – хватит на пару чашек. Вода быстро вскипела, и я замутила в стакане растворимый кофейный порошок. Темная жидкость неопределенного цвета навела меня на мысль, что можно купить молотый кофе и заваривать его в чашке, если уж нет возможности варить в кофе-машине, как дома.

Наспех позавтракав, я быстро оделась и уже перед самой дверью поняла, что осталась без ключей. Обнаружив телефон, я набрала Андрея.

– У тебя запасные ключи дома есть?

– Ключи? А я тебе не оставил?

– Не вижу.

– Тогда посмотри на холодильнике. Сигнализации нет. Просто закрой верхний замок.

– А почему только верхний? Ты надеешься, что у тебя еще несколько мусорных пакетов пропадет?

– Насчет пропажи не шути. Это сейчас больная тема.

– Хорошо. Когда встречаемся?

– Не знаю. Я еще не доехал до работы.

– Ладно, позвони, как управишься.

Холодильник был довольно высокий, но вытаскивать из-за барной стойки стул мне было лениво. Я подпрыгнула и в прыжке смахнула рукой все, что удалось зацепить. Сначала на меня упали какие-то счета. Я их подобрала и сунула в один из шкафов, которыми изобиловала кухня. Потом я еле увернулась от стеклянной пепельницы. Мне повезло, что она оказалась пустая и небьющаяся. Я решила больше не рисковать и принести-таки стул. Забравшись на него, я обнаружила на холодильнике пару ручек, пачку рабочих листов с пометками Андрея, а под ней несколько нераспечатанных конвертов с пражскими штемпелями и связку ключей. Судя по количеству пыли, скопившейся на бумагах, он совсем забыл про них. Я осторожно вытащила конверты, чтобы не подцепить что-нибудь ненужное, и сбросила вниз. Почему я отнесла к разряду нужных вещей эти конверты, я не задумывалась. Прихватив ключи, я спрыгнула вниз.

Конверты, лежавшие на полу, были подписаны по-чешски, но имя адресата мне разобрать было не под силу. Читалось это, наверное, как Ондржей.

Да и адрес был мне не знаком: Cs.armady s.p. 371/11 Bubenec Praha 6, 1600 °Ceska republika. Поразмыслив минуту, как порядочная девушка я не стала вскрывать чужие письма. Порядочность мою подкрепляло незнание чешского. Я засунула конверты поглубже в сумку и вышла из дому.

На улице было солнечно, хотя немного прохладнее, чем вчера. Рядом с соседним домом, за углом была трамвайная остановка. Я всегда забываю, что у чешских трамваев снаружи есть кнопка – для тех, кто хочет, чтобы ему открыли дверь. У нас трамваи сами открывают двери, даже если этот номер никому на остановке не нужен. Чешский трамвай будет стоять и ждать какое-то время, пока вы не нажмете эту самую кнопку. Я, конечно, совсем про нее забыла, и мой трамвай, постояв пару минут, уехал. Рассерженная своей тупостью и долгим ожиданием следующего, я намеревалась сразу же отыскать на нем кнопку, но этот почему-то сразу открыл двери. Наверное, понял, что я не местная.

Проехав пару остановок, я вышла где-то в центре, достала карту, сверилась с названиями улиц и пошла по направлению к собору Святого Вита. Нужно было найти улочку, где Кирилл, мой недавний знакомый, со своим московским приятелем, кажется Вадимом, арендовали небольшую галерею. Галерей в Праге невообразимое количество, особенно в районе Карлова моста. Прогулка по Карлову мосту является неизбежной частью программы в Праге у любого туриста. Выполнив этот пункт моего пребывания, я повернула направо. По сравнению с мостовой из крупного камня, тротуар на улочке, ведущей вверх, был вымощен чем-то мелким и удобным для ходьбы на каблуках. Туристы уже активировались, и мне приходилось лавировать между небольшими группками европейцев. Отметив на карте пару кварталов, которые я прошла, я оказалась перед невысоким домиком в два этажа. Окна первого этажа были раскрыты настежь, и прохожим было видно, как Вадим стоял у мольберта, рисуя дежурную картину, которая никогда не будет закончена. Картина эта служила скорее для привлечения туристов, в особенности туристок к творческому процессу и к произведениям, готовым для продажи. Кирилл, мое недавнее увлечение, сидел на подоконнике рядом с табличкой, на которой черной тушью было красиво написано: «Art Gallery. The entrance and the doorbell on the right». И стрелочки, как на старинных часах, в качестве указателей.

Художники иногда практиковали совместный выезд в Европу на заработки. Они брали в аренду небольшую галерею целиком или комнату, а иногда просто стену в какой-нибудь не слишком известной, но большой и современной галерее с хорошим оборудованием и освещением. Правда, небольшие каморки в районе моста хоть и стоили дорого, но доход приносили несравнимый с новостройками, куда добровольно ни один европейский турист не пойдет – пусть хоть все метро будет в афишах.

Кирилл – моя весенняя болезнь, случилась по вине моего мужа. Вернее, его увлечения современной живописью. Как-то в начале марта Данил принес домой «на примерку» картину – «Девочка с кошкой».

– Не мог пройти мимо. Она похожа на тебя.

Хорошие художники всегда дают хорошим клиентам свои работы «на примерку». Картина может вам понравиться, да и в галерее смотреться прекрасно, но когда вы приносите ее домой и она начинает жить своей жизнью, то может выбиться из уже сложившегося характера дома. Нам уже случалось возвращать некоторые работы из-за их полной несовместимости со мной или с Данилом. Правда, мне приходится терпеть работы китайских живописцев, но это увлечение мужа живет в его кабинете, куда никто кроме Данила не заходит. И только это обстоятельство некоторым образом примиряет меня с китайским творчеством. Девочка с кошкой сразу прижились у нас в доме, хотя моя подруга Алка съязвила, что точно не знает, на кого я больше похожа – на девочку или на кошку.

Месяца три назад Данил предложил мне зайти в мастерскую Кирилла – раз уж мне понравилась одна из работ художника – посмотреть что-нибудь еще. Но остальные картины

были слишком сложные, «не домашние», и больше подходили какой-нибудь конторе или ресторану. Так и не выбрав ничего, я ушла, а месяц спустя мы с Кириллом случайно встретились в кафе, выпили и разговорились. Закончилось все тем, что мы договорились встретиться в Праге.

На звон колокольчика Кирилл открыл дверь и удивился:

– Ты же сегодня собиралась с братом куда-то ехать!

Я развязала шарф, чтобы не мешал вертеть головой из любопытства.

– Не получилось. У него в офисе какие-то срочные дела.

Вадим оторвался от работы:

– Привет. Извини, у нас тут беспорядок.

Я огляделась. Мусор исключительно художественный. Грязные тюбики в старой коробке, несколько дощечек, измазанных засохшей краской, и тряпки, о которые Вадим вытирал руки. Так что с беспорядком он преувеличивал. Стены свежесмытые, пол чисто вымыт, наверное, договорились с кем-то из местных жительниц о поддержании порядка.

Большинство картин еще не было развешено, и они стояли прямо на полу у входа, лицом к стене, которая делила помещение на две небольших проходных комнаты. Направо от окна была кладовая, она же шкаф.

Меня заинтересовал художественный быт.

– А спите вы где?

Кирилл усмехнулся.

– В шкафу.

– Зачем?

– Чтобы не прерывать процесс. Тогда можно только поесть выходить. Сейчас было бы кстати.

Вадим не возражал.

– Идите. Потом смените меня, я пока ногу дорисую.

Я не удержалась от улыбки:

– Вы что, по очереди рисуете?

– Конечно. Это привлекает туристов.

Кирилл подмигнул мне:

– И туристок.

Мне было непонятно, как эта картина может кого-нибудь привлекать. Но из вежливости уточнять не стала. Вадим, увидев мое замешательство, показал кистью на Кирилла:

– Он первый начал.

Я посмотрела на Кирилла, но он лишь отмахнулся.

Перекусить мы решили в ближайшем летнем кафе, которое, несмотря на середину осени, располагалось прямо на улице. Устроившись за пластиковым столиком возле уличной газовой горелки для обогрева особо чувствительных к прохладе клиентов, мы заказали по пицце.

Не успела официантка передать наш заказ на кухню, как запел мой телефон.

– Привет, сестра. Я свободен.

– А почему тебя так рано освободили?

– Малограмотная ты в ограблениях. За что же меня долго держать?

– Так мы едем куда-нибудь?

– Можем. Говори, где тебя искать.

– Места я тебе точно назвать не смогу. Никаких достопримечательностей рядом нет.

– А улицу и номер дома сказать можешь?

Я огляделась в поисках указателей.

– Запоминай.

Выслушав мои координаты, он обрадовался.

– Буду минут через десять. Это недалеко.

Кирилл тактично понял мое намерение не знакомить его с родственником, быстро выпил кофе и попросил официантку упаковать его пиццу с собой.

– Вадим будет доволен, что я составлю ему компанию. Он не слишком-то любит выходить.

Потом, вспомнив о чем-то, протянул мне ключ.

– Вот, возьми.

– Зачем? Если Вадим не любит выходить из мастерской?

– Он вечером уезжает на натуру. На пару дней. Так что можешь заходить, когда захочешь.

– Вряд ли мне захочется зайти, когда тебя не будет.

– Я все время буду в галерее, но не люблю, когда меня отвлекают. А с ключом – сама войдешь и сможешь подождать, пока не закончу.

– А смотреть можно?

– Можно, только молча. Ну я побежал. Пока...

Уходя, он столкнулся с Андреем. Мне повезло, что мужчины, вежливо извинившись, не проявили друг к другу никакого интереса.

11

1129 г. Франция.

Промозглая дождевая сырость проникала повсюду, и Бернар, будучи слабого здоровья, уже четвертый день лежал в постели. Антуан, который старался не нарушать без лишней надобности покой Монсеньора, принял все текущие дела аббатства. Более всего Антуана беспокоило то, что в комнате Бернара не было камина, и, чтобы хоть как-то согреть своего господина, монахи каждые два часа приносили из кухни раскаленные на огне камни и складывали на пол возле кровати. Камни быстро остывали, отдавая тепло холодным плитам пола и сырости монастырского воздуха.

Большую часть времени Бернар проводил в кровати за чтением отчетов и донесений из монастырей. Но больше всего его интересовали отчеты тамплиеров. С самого начала Бернар замыслил двойственную роль этого ордена. Рыцарство и монашество – два несовместимых друг с другом символа – составили в нем единое целое, даже на печати была изображена лошадь с двумя всадниками в седле. Благодаря огромным пожертвованиям тамплиеры становились крупнейшими феодальными владельцами не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. Рыцари, привыкшие к схваткам и бесконечным войнам, могли защитить богатства. И, кроме того, какое бы общественное положение ни занимал вступающий в братство, он был обязан дать обет бедности, отречься от своего титула и безвозмездно принести в дар ордену все свое состояние.

Большинство доносов содержало весьма неблагоприятные отзывы о братьях-рыцарях. Даже сюда, в провинцию, доходили пословицы «пьет как тамплиер», «ругается как тамплиер». Бернар вздохнул. Чтобы держать рыцарей в повиновении, требовалось немало сил, но цистерцианцам была необходима поддержка влиятельных семейств. Богатства ордена становились все заметнее, и их лучше было накапливать, рассредоточивая по всей Европе через командорства.

Все чаще Бернару стали поступать прошения со Святой земли от рыцарей, попавших в плен к сарацинам. Они просили братство дать за них выкуп. Аббат отложил бумаги и позвонил в колокольчик. На пороге тотчас возник дежуривший у его двери монах.

– Позови Антуана.

Монах скрылся, и через некоторое время в комнату вошел помощник Бернара. Его одежда слегка промокла, но вид у него был вполне довольный.

– Вы меня звали, Монсеньор?

– Мне не здоровится сегодня. Нужно, чтобы вы составили несколько писем от моего имени.

Антуан сел за стол и приготовил прибор для письма. Бернар с трудом поднялся с кровати и запахнулся в серый шерстяной плащ, служащий ему и одеялом, и одеждой.

– Составьте небольшое, но предельно ясное послание на Святую землю для Магистрата, чтобы впредь они никогда не беспокоили меня, передавая просьбы пленных рыцарей-тамплиеров.

Антуан удивился:

– Но у нас достаточно средств! Если кто-то из братьев попадет в плен, сражаясь за веру...

Бернар не дал ему договорить:

– Выкуп для тамплиеров невозможен!

– Невозможен?!

– Наши доблестные рыцари не понимают, что такое дисциплина. Они попадают в плен или когда напиваются, или когда действуют сами по себе, как им в голову взбредет, не считаясь ни с потерями, ни с Уставом!

Антуан поклонился.

– Хорошо, Монсеньор.

– К тому же, если мы начнем платить за всех взятых в плен, мы возбудим алчность сарацинов и привлечем внимание к богатствам ордена.

Бернар подошел к чуть теплым камням, лежавшим в углу, и продолжил.

– Поступают сведения, что некоторые царственные дома Европы весьма поиздержались.

Антуан подтвердил.

– Из самых надежных источников, Монсеньор, мне известно, что положение дел германского монарха не столь блестящее, как можно предположить.

– Так дайте ему денег. Наши еврейские банки могут кредитовать Конрада.

– Боюсь, Монсеньор, мы получим весьма ненадежного заемщика.

– Конечно. Вряд ли он вернет нам хоть талер. Но взамен он даст нам возможность торговли на самых выгодных для нас условиях.

Бернар подошел к столу, заваленному бумагами, достал из кипы посланий небольшой желтоватый пергамент и протянул Антуану:

– Из Испании пишут, что Альфонс Арагонский передал во владение рыцарям-храмовникам третью часть своего королевства.

Антуан задумчиво покрутил перо.

– Значит, он расплатился с нами землей?

Аббат де Клерво покачал головой.

– Мы должны быть осторожны, диктуя коронам свои условия. Как только наши требования покажутся им тягостными, они ополчатся против нашего чрезмерного влияния. И тогда нас могут спасти только закованные в броню братья-рыцари.

У Антуана перехватило дыхание:

– Вы намеренно ставите их под удар?

Бернар усмехнулся.

– Ни один монарх не потерпит на своей земле силу более влиятельную, чем он сам!

– Но если уничтожат орден Тамплиеров, в котором сосредоточены почти все богатства цистерцианцев, что же останется?

– Серебро. Огромные запасы серебра.

Почувствовав слабость, Бернар вернулся в кровать.

– Тамплиеры – наше оружие. Истинное могущество скрыто от глаз, а потому не вызывает ни зависти, ни страха коронованных особ.

Антуан все еще сидел за столом Бернара в ожидании дальнейших распоряжений. Аббат де Клерво показал на кипу писем.

– Мне недосуг заниматься такими пустяками. Пусть этим займется Великий Магистр.

Антуан старался угадать ход мыслей Бернара.

– Правильно ли я понял, Монсеньор, что мне следует подготовить документ, по которому орден Цистерцианцев отказывается от даров в пользу ордена Рыцарей Храма.

Бернар кивнул.

– Пусть этот груз ляжет на тамплиеров...

Антуан уже складывал письменные принадлежности и собирался уходить, когда аббат задал ему вопрос:

– А что с нашим другом, Гуго Шампанским?

- Сеньор Гуго один из самых видных деятелей Ордена, Монсеньор.
- А как же его семья?
- Говорят, что он отрекся от сына. Мальчик умер в каком-то сиротском приюте.
- А жена?
- В монастыре. Но ей там долго не протянуть.
- Почему?
- Вела она себя не слишком-то праведно. Матушку не слушалась, бранилась почем зря, с сестрами дралась. Вот и пришлось им наказывать ее как бесноватую. Теперь она совсем тихая стала, говорят, что руки на себя наложить пыталась.

Бернар молчал. Красавица Бланка заплатила за боль, которую причинила ему когда-то...

12

16 октября 2008 г. Прага.

Наверное, брат редко бывает в уличных кафе. Окинув строгим взглядом пластиковую мебель неэлитного заведения, он достал из кармана одноразовый платок и протер стул, прежде чем сесть. Потом заказал себе что-то с сыром и принялся ворчать:

– Все выходные к чертям! Теперь придется восстанавливать документы. На носу проверка из швейцарского офиса.

– Как правило, воры больше интересуются офисной техникой, чем документами. Ты же не глава корпорации, твои документы им не пригодятся. Да и по правилам вы должны все дублировать. Так?

– В текучке не все успеваешь. Отчеты по бухгалтерии и юристам на бумажках есть, но придется теперь все искать и заново вносить в компьютер.

– Кстати о бумажках. Я на холодильнике письма нашла.

Пришлось залазить с головой в сумку, чтобы отыскать конверты. Андрей взял одно из писем, лениво повертел в руках и сказал:

– Здесь адрес мой, но письмо не мне.

– Там же написано: Анджей.

– Или Йиндржих. Адрес могли перепутать.

Любопытство мое выиграло.

– Ну давай посмотрим. Если это не тебе, то можно вернуть.

– Куда вернуть? Обратного адреса нет. Почтовый адрес мой, вернее моей фирмы.

– Какой фирмы?

– Я открыл, так, на всякий случай, компанию с очень ограниченной ответственностью. Это мой юридический адрес.

– А фактический?

– Фактический совсем другой. Если ты меняешь местоположение офиса, то имеешь проблемы с переадресацией и изменением устава предприятия. Так что многие пользуются услугами постоянных адресов для корреспонденции.

Я поняла, что Андрей твердо намеревается отдать письма в офис конторы с адресами, и активно сопротивлялась.

– Ты можешь им позвонить и спросить, есть ли у них такой гражданин. Если нет, то письма будут наши.

– На кой черт они тебе сдались?

Я задумалась. И правда, на кой? Но какой-то бес нашептывал на ушко: «открой и посмотри». Я взяла конверт из рук Андрея и быстро распечатала. Брат даже подавиться не успел, как я достала белый лист, на котором было напечатано всего две строчки. Конечно, по-чешски. Я пододвинула листок Андрею.

– Переведи.

– И не подумаяю.

– Переведи! – сказала я, как мне показалось, с угрозой.

Ему так не показалось, и он наотрез отказался мне содействовать в этом, на его юридический взгляд, неправомерном деле. Вздохнув, я забрала у него листок и попыталась самостоятельно разобрать написанное. Меня грела надежда, что язык славянский, может, что и пойму.

Сначала Андрей всем своим видом меня игнорировал, но потом мои невразумительные звуки его заинтересовали, и он втянулся. Я медленно читала:

– Вышеград. Это я знаю. А вот здесь, смотри, это что?

– Кладбище.

– И номера. И дата.

Андрей мрачно пошутил:

– Ряд и номер могилы. Дата сегодняшняя. Это приглашение.

Мне стало жутковато от его шуточек. Где-то в моем воображении замаячил болотный огонек приключения. Я посмотрела на дату. И правда, сегодняшняя.

– Слушай, а может, нам туда сейчас съездить? Все равно у нас по плану достопримечательности.

– Ты же была на Вышеграде. С Данилом в прошлом году.

– Я и кладбище это помню. Там возле входа неплохой ресторан. Там боровичка отменная. И карпы чешские.

Андрей поморщился.

– Какая гадость – рыба, да еще на кладбище.

– Попал бы под дождь, как мы тогда, не воротил бы нос ни от горячего, ни от горячительного.

– А что вы там делали под дождем?

– Данил искал, откуда начиналось королевство чешское. Это же первый королевский замок в Праге.

– Нашел?

– Не знаю. Я тогда под деревом от дождя пряталась.

– Учти, я с тобой на кладбище не пойду.

– Умница, так ты согласен?

– А что, у меня есть выбор? Ты все равно туда попрешься. Не могу же я бросить тебя на произвол чешского метро.

– Вот и славно, тогда ешь быстрее.

Андрей еще какое-то время перемежал еду с ворчанием, потом закурил и притих.

13

16 октября 2008 г. Прага.

День был рабочий, и места на стоянке перед парковым комплексом Вышеграда было предостаточно. Мы припарковались как можно ближе ко входу, но все равно пришлось почти с километр идти пешком. Когда мы наконец добрались до собора, Андрей, как и обещал, внутрь идти отказался, и мне пришлось двинуться на поиски приключения в полном одиночестве. Солнце было в зените и пригревало почти по-летнему. Я сняла куртку и повесила ее поверх сумки. И почему я утром решила, что будет прохладно?

На кладбище в это время дня было пусто, навстречу мне попала пара дам без возраста, прогуливающих под руку. Они сами являлись живым воплощением памятников и, как статуи на могилах, символизировали образец вечной жизни. Заглядевшись на женщин, я никак не могла решить – с какой стороны мне считать ряды. С номерами могил было проще, на многих они были проставлены. Мое беспорядочное брожение вызвало интерес у одной из дам. Они благожелательно подошли ко мне и спросили:

– Вы что-нибудь ищете?

Я с трудом, но все же поняла, что они намерены мне помочь. Привычка автоматически переходить на английский, как только я пересекала границу, сработала и сейчас. Я не задумываясь спросила:

– Бабушка моей подруги попросила меня положить цветы на могилу человека, который ей был дорог. Она написала какой-то номер, но я ничего не могу понять.

Упоминание о дорогом человеке сработало, и дамы активировались. Та, что была повыше ростом, сказала на безупречном английском:

– Вот, посмотрите, эти цифры могут означать дату смерти. Вам придется ей перезвонить, ведь здесь возможны совпадения. Порой на кладбище хоронят по нескольку человек в один день.

Вторая дама пылко воспротивилась:

– Ну что ты такое говоришь, Бланка. На этом кладбище уже давно никого не хоронят. Здесь только богатые семьи и знаменитые личности.

Потом она обратилась ко мне:

– А вы не спросили имя того человека?

Я не растерялась.

– Спросила, но не записала. А сейчас забыла, и мне как-то неудобно ее переспрашивать. Поищу сама. Кладбище не такое уж большое.

Дама повыше с одобрением кивнула.

– Это правильно. Если мы с подругой найдем что-нибудь подходящее, мы вам покажем.

Я поблагодарила и пошла на четвертый круг. Дорожки были вымощены тесаным камнем, чтобы и в дождь было удобно ходить. Пройдя мимо могилы Дворжака, я заприметила скамейку. Эту скамейку, выкрашенную в красный цвет, с белыми резными ножками, трудно было не заметить. Мне необходимо было где-то присесть и поразмыслить, и я механически пошла к ней. По пути, на чьей-то угловой могиле, мое внимание привлекли керамзитовые камешки, которыми прямо на плите были выложены католические кресты. Один большой и шесть маленьких. Один из крестиков был больше похож на указательную стрелку, чем

на крест, и слегка повернут в сторону от остальных. Я посмотрела в направлении, куда он показывал, и увидела надгробие в виде арки.

Подойдя поближе, чтобы рассмотреть то, что было скрыто за аркой, я встала у черного фонаря весьма затейливой ковки. Через стеклянную дверцу была видна свеча. Нижний конец этой свечи оказался обернут тонкой полоской белой бумаги. Я осторожно открыла дверцу и вытащила свечу. Чувство стыда за совершаемое святотатство не помешало мне снять бумажку. Чтобы хоть как-то загладить свою вину перед покойником, я вернула свечу на место, оставив себе лишь бумажку. Прочитать содержимое мне так и не удалось, потому что мои новые знакомые вдруг оказались в двух шагах от меня и радостно махали. Их призывы раздавались так громко по всему кладбищу, что из собора вышел какой-то человек в одежде священника и выразительно посмотрел на нашу компанию. Я быстро спрятала бумажку в карман и подошла к дамам. Та, что пониже, срывающимся голосом быстро сказала:

– Вот то, что вам нужно. Этот человек умер как раз пятнадцатого октября. И это мужчина в возрасте. Он вполне мог быть поклонником вашей знакомой.

Я немного поправила ее:

– Бабушки моей знакомой.

Приняв мою искреннюю благодарность, дамы с гордостью удалились. Рассеянно поглядев им вслед, я достала из кармана бумажку, развернула ее и вздохнула с облегчением. Хорошо, что не придется бегать к Андрею за переводом. С этим я и сама могу справиться. На бумажке было написано по-английски: «Вас будут ждать в соборе в 15.10». А в каком соборе? Посмотрев на величественное здание Вышеградского собора, я решила, что он вполне подойдет. С легким разочарованием от того, что мне так и не удалось ничего понять, я медленно шла вдоль серой, нагретой солнцем стены собора. Вдруг небольшая деревянная дверь, ведущая в полуподвал, открылась, и невысокий человек в рясе несколько раз призывно махнул мне рукой. Не могу сказать, что я сильно испугалась, но какой-то животный страх во мне шевельнулся. Я удивленно уставилась на монаха, который всем своим видом выражал недовольство:

– Вы опоздали. Монсеньор ждет. Где вы ходите?

Я не стала спорить и пошла за ним.

1129 г. Франция.

Длинный чисто выбеленный коридор с решетчатыми окнами был пуст. Монахи уже разошлись по своим делам, и до вечера никто не нарушит тишину в этом крыле. Равви шел не спеша, рассматривая через открытые ставни внутренний дворик, на котором работали трое монахов. Солнечное утро с капельками росы на влажной траве и чистый летний воздух успокаивали его и настраивали на нужный лад. Сегодня ему предстояла встреча с аббатом. Непонятно почему, но аббат де Клерво всякий раз вызывал у Равви чувство уважения, граничащее со страхом. В раздумьях он шел по коридору, собираясь с мыслями, как вдруг боковая дверь отворилась, и прямо перед ним оказался Исаак.

Равви метнул сердитый взгляд на юного писца. С тех пор как Исаак по глупости отдал в руки Антуана Пергамент Жизни, Равви ни разу не заговорил с молодым человеком, который все так же прилежно занимался своей работой в библиотеке при монастыре – он переписывал и разбирал старые тексты. Равви вышел во двор и огляделся. Ему больше нечего было здесь делать. Сегодня ночью он нашел ключ к толкованию древнего текста и вот уже несколько часов подряд мерил шагами небольшой сад у западного крыла аббатства, разговаривая сам с собой, проверяя и проговаривая сочетания слов, выверяя созвучия, словно изготавливая сложнейшее лекарство. Формула жизни, хоть и не вечной, но все же достаточно долгой, была готова...

О его странном поведении незамедлительно поставили в известность Антуана, который тотчас передал новость Монсеньору. Теперь Равви предстоял тяжелый разговор с аббатом де Клерво. Пройдя вдоль тропинки сада, Равви вышел к фонтану, где его ждал Антуан.

– Монсеньор примет вас, Равви.

Старый еврей медленно развернулся и пошел вслед за Антуаном. Серый внутренний коридор аббатства казался нескончаемым, и Равви считал шаги, чтобы отвлечь себя от мрачных мыслей. У кабинета аббата Антуан остановился, постучал и, открыв тяжелую дверь, пропустил Равви вперед.

Святой Бернар сидел за своим огромным письменным столом черного дерева и, как обычно, что-то писал. Не дожидаясь приглашения, Равви опустился на стул с высокой резной спинкой, стоящий у двери. Бернар сделал вид, что не заметил неуважения. Он отпустил Антуана и попросил, чтобы их не беспокоили.

– Все ли у вас в порядке, мой дорогой Равви?

– Порядок – странная вещь, Монсеньор.

Бернар поднял глаза и внимательно посмотрел на еврея.

– Мне рассказали о вашем странном поведении.

Равви отвечал медленно, словно взвешивал каждое слово:

– Я знаю порядок слов древнего ритуала...

Бернар покачал головой.

– Говорят, этот ритуал представляет некоторую опасность.

Равви сверкнул глазами, но ничего не ответил. Значит, Исаак уже побывал здесь!

Аббат понял, что сейчас лучше не тревожить Равви.

– Хорошо. Мы поговорим об этом завтра.

Равви поднялся, но уходить не торопился.

– Монсеньор, я должен знать, кто будут те избранные, которые будут добавлять к своей жизни лишь один день, когда у простого смертного пройдет год.

– Вы все узнаете. Утром.

Как только Равви покинул кабинет, Бернар крикнул Антуана.

– Приведите того юношу, Исаака.

Прошло более получаса, прежде чем на пороге кабинета возникла высокая юношеская фигура в простом монашеском платье. Молодой человек нерешительно топтался у порога, и Бернар жестом пригласил его войти.

– Мне говорили, что ты помогал толкованию древних текстов.

Краска удовольствия залила лицо молодого человека. Он поклонился.

– Да, Монсеньор.

– И что же тебе довелось узнать?..

15

16 октября 2008 г. Прага.

Узкие каменные ступени спускались вниз. Наверху позади нас скрипнул дверной замок, наглухо закрывая входную деревянную дверь. Мы оказались в церковном полуподвале. Глаза с трудом привыкали к скудному освещению небольших грязных светильников под потолком. Помещение было небольшим, в два маленьких сводчатых окна, наглухо закрытых. Потолок и стены комнаты, куда мы спустились, были из серого камня. Таким же каменным, правда, немного темнее, был пол – и у меня возникло ощущение каменного мешка. Оставив меня одну, монах удалился в одну из боковых дверей.

Проклиная себя за легкомыслие, я осталась ждать. Было слышно, как монах, который привел меня сюда, разговаривал с кем-то в соседней комнате. Вскоре он вернулся и жестом пригласил следовать за ним. Я с трудом заставила себя сделать несколько шагов. Кричать было бесполезно, Андрей все равно бы меня не услышал. Он сейчас, наверное, бродит где-нибудь под теплым солнышком и рассматривает памятники древним королям Чехии, будь он неладен. Хотя в том, что я оказалась в подвале, никто не виноват, кроме моей собственной непроходимой глупости. Привыкнув к темноте и осмотревшись, я увидела, что стою перед большой деревянной дверью с огромной медной ручкой в виде головы льва. Дверь эта со скрипом приоткрылась, и монах пригласил меня войти. Комната, куда я попала, казалась огромной, но лишь небольшое пространство в левом углу было освещено белыми матовыми светильниками в виде факелов. Обведя глазами присутствующих, я остолбенела. Возле закрытого наглухо окна стоял человек в белой рясе, лицо которого было практически невозможно разглядеть. А за секретарским столом возле двери сидела одна из тех дам, которые помогали мне с поисками могилы на кладбище, – та, которую ее спутница называла Бланкой. Она приветливо улыбнулась мне:

– Насчет могилы, дорогой сердцу вашей знакомой, – это было неплохо.

Я еще не решила, как себя правильно вести, чтобы поскорее выпутаться из этой истории, поэтому сказала:

– Вы бы тоже что-нибудь придумали, окажись вы в моем положении.

Дама согласилась, но решила уточнить:

– Почему вы разговариваете по-английски?

Я не знала, на каком языке мне следовало бы разговаривать, но уточнять не стала. Просто сказала:

– Мне так удобнее, госпожа Бланка.

Она задумчиво протянула:

– Ну, как знаете.

На столе перед ней лежало несколько писем и бланков какой-то организации, которые она продолжала заполнять, несмотря на почти светскую беседу со мной.

– Вы что, милочка, пароль забыли?

Я кивнула. Она произнесла сокрушенно что-то вроде «О господи, они что, никого более приличного найти не могли?», или мне так просто показалось со страху, потому что из своего угла к нам двинулась фигура в рясе. Это был невысокий, сухощавый, болезненного вида мужчина лет пятидесяти.

Бланка почтительно поднялась. Мужчина снисходительно протянул мне руку, которую я, по всей видимости, должна была поцеловать. Легкая недвижимость сковала меня, я просто

не знала, как это делается. На помощь опять пришла Бланка. Она дала мне подзатыльник и прошипела:

– Да что с вами, милочка?! Опуститесь на колени и целуйте, пока вам оказана эта милость. Не многие удостоиваются такой чести!

Я на всякий случай решила не пропустить оказанную мне честь, плюхнулась на колени и приложила к протянутой руке. На ней остался след от помады «Лазурь № 7». Бланка оторопела, а тот, кого Бланка называла Монсеньором, улыбнулся. Его улыбка мне понравилась. Так улыбаются нашкодившим детям. Он жестом показал, чтобы я встала, и я быстренько поднялась. На коленях моих джинсов остался рисунок камня и пыли. Я на всякий случай не стала приводить себя в порядок. Мягкий мужской фальцет спросил:

– Почему он сам не приехал?

Монах, что привел меня сюда, стоял ни жив ни мертв.

Я не знала, почему «он сам не приехал». Догадывалась, конечно. Он, наверное, не получил письмо. И тут я покаялась, что взяла чужое. Андрей был прав, лучше бы мы отдали его в контору с адресами. Но плакать поздно, нужно было что-то соображать. Я быстро ответила:

– Не знаю.

Монсеньор удивился:

– Так какое у вас ко мне дело?

– Я не помню.

Судя по всему, такого ответа от меня никто не ожидал.

– А вы вообще кто?

Я не стала задумываться над этим риторическим вопросом.

– Так, пока никто.

Тут удивилась Бланка.

– А как же письмо? Дайте мне письмо!

Я протянула ей конверт. Монсеньор, кажется, начал понимать, в чем дело.

– Как оно к вам попало?

Тут же вырвалось самое дурацкое, что я могла сказать:

– Я его на холодильнике нашла...

Монсеньор показал Бланке знаком следовать за ним, и они на какое-то время скрылись за дверью возле окна, где он стоял, когда я вошла. Минуты ожидания и неизвестности, тянувшиеся в каменном мешке полуподвала, показались мне вечностью. Вернулись они минут через десять, явно озадаченные происходящим. Бланка подошла ко мне и, посмотрев на меня с сожалением, сказала:

– Можете идти, дорогая. Мы с вами свяжемся.

16

16 октября 2008 г. Прага.

Первым вопросом брата, который встретил меня у выхода, было:

– Где тебя черти носят?

Я огрызнулась:

– Черти мне не конкуренты. Им и не приснится, где меня можно носить.

Андрей не унимался:

– Я тебя тут больше часа жду. Я есть хочу.

Я возмутилась.

– Так ты же ел недавно!

– Я ел? Плюшку с кофе?

Я согласилась. Это не мужская еда.

– Ладно, пошли, тут через триста метров есть славное кафе.

– Полкилометра? А поближе нет?

– Ты же сам отказался от ресторана. Он в двух шагах.

– Это где рыба с водкой? Нет, уж лучше «славное кафе».

Мы шли по мощеным дорожкам, и я поначалу не замечала недоумевающих взглядов прохожих. Потом до меня дошло – мои колени! Они же грязные, как коленки малыша из песочницы! Порылась в сумочке и достала набор путешественника, влажные салфетки – спиртовые и безалкогольные. Прикинув, выбрала спиртовые.

17

Сентябрь 1148 г. Франция, аббатство Клер во.

Поздней ночью одинокий всадник въехал в монастырь Сито. Судя по тому, как быстро открылись ворота и сразу же с десятков монахов с факелами появились во дворе, – всадника давно ждали. В высоких дверях возникла фигура в белой рясе, перед которой все почтительно расступились. Антуан сам встречал Бернара, вернувшегося после утомительного путешествия в столицу. Один из монахов легко, как пушинку, снял Бернара с лошади и поставил на землю. Дождь шел уже вторую неделю, а на небе до сих пор не было просвета. Каменная кладка внутреннего двора потемнела от дождя, и Бернару пришлось подобрать полы рясы, перешагивая через темные пятна воды. Он шел к двери, сопровождаемый Антуаном и двумя монахами, несущими перед ними факелы. Привратник, дежуривший у входа, поклонился и распахнул перед Монсеньором тяжелую дверь. Бернар, переступив высокий порог, шагнул в темноту. В гулком монастырском коридоре пахло сыростью.

В свете факелов лицо Бернара было мертвенно бледным. Антуан насторожился:

- Вам не следует путешествовать одному.
- Вряд ли кто захочет напасть на меня.
- Я говорю не о людях. Меня беспокоит ваш недуг.

Бернар с трудом улыбнулся.

- Сейчас некогда предаваться недугам.

Антуан пошел распорядиться насчет позднего ужина, а Бернар поднялся в свою комнату. Пару минут спустя он вызвал дежурного и приказал:

- Принесите мне грелку и позовите Антуана.
- Он здесь, Монсеньор.

Монах выскользнул из комнаты, и на пороге тотчас возник помощник аббата с небольшим подносом в руках. Скромные монастырские дары порадовали Бернара, и он стал понемногу приходить в себя. Несмотря на то, что сейчас он более всего мечтал об отдыхе, оставался вопрос, не терпящий отлагательств.

- Как идет строительство Седлецкого монастыря?

Антуан расплылся в улыбке:

- Мы закончим чешский монастырь до наступления холодов.

Аббат кивнул.

– Хорошо. Вы скупили земли вокруг монастыря? Нельзя точно знать, где именно залежи серебра.

– Почти все окрестные земли принадлежат нам, хотя эта мера излишняя. Равви уверен в цифрах и может точно показать, где следует заложить шахту.

- Одной шахты мало! Эта земля очень богата.
- Мы можем начать добычу уже через год.

Бернар резко оборвал своего помощника.

- Нет! Не можем!

Антуан замер в недоумении – столько денег потрачено на эти земли в Чехии! Столько чиновников и генералов от церкви пришлось ему склонить на свою сторону уговорами и подарками! Он решил все проблемы, стоящие на пути основания первого ордена цистерцианцев на славянской земле. Все, кроме одной.

От Бернара не ускользнула легкая тень на лице Антуана.

– Говорите, Антуан. Что у нас случилось?
– Монсеньор, боюсь, что вам предстоит путешествие более длительное и трудное, чем то, которое вы предприняли.

Бернар вздохнул.

– Что, Папа упрямится?

– У него свои интересы. В обмен на благословение нового монастыря цистерцианцев он хочет...

Антуан медлил, не решаясь донести до аббата новость.

– И чего же он хочет?

– Он хочет, чтобы вы созвали второй Крестовый поход.

В воздухе повисла пауза, потом Бернар тихо, но отчетливо произнес:

– Он в своем уме?!

Антуан подтвердил его самые худшие предположения:

– Поход – слишком затратное предприятие. И теперь царственные дома не торопятся пускаться в подобные авантюры.

– Тем не менее, в Риме уже поняли, что нам нужны земли Кутной Горы.

– Ему нужен новый Крестовый поход. Папа хочет удержать завоевания христиан. Одесса...

Бернар вскипел:

– Не смешите меня, мой дорогой! Папе нужна власть! Он опьянел от эффекта, произведенного этим всеобщим объединением христиан. И теперь жаждет упрочить свое влияние не только на Востоке!

Антуан постарался успокоить Бернара:

– Папа умен – ведь он ваш ученик и прекрасно знает, что нужна такая личность, как вы, чтобы этот поход состоялся. Он уже обращался к монаршим домам Европы, но безрезультатно. И теперь он намерен воспользоваться вашим влиянием, чтобы уговорить германского императора примкнуть к французским войскам.

– Значит, мне предстоит уговорить сразу двух упрямцев, из-за которых моя миссия в Германии может сильно затянуться.

– Один из них – император Конрад, а второй?

– Монах, который своими проповедями может свести на нет все наши усилия. Неистовый Рудольф, он сейчас самая большая угроза всем командорствам тамплиеров.

Антуан удивился:

– Как простой монах может угрожать могущественному ордену?

– Евреи, мой дорогой.

– Евреи?

– В святом экстазе и ради популярности он призывает избивать их, где только видит. Евреи могут выйти из командорств и покинуть нас, как нарушивших Договор.

Антуан зажег свечу и налил Бернару воды.

– Теперь понятно, почему Равви при каждом удобном случае напоминает мне про договор.

Бернар отпил пару глотков и вернул бокал своему помощнику.

– Мы обещали им покой и защиту всюду, где есть цистерцианские ордена. Если евреи откажутся вести дела с храмовниками, то ничего не останется от наших банков. А что папа обещает взамен, если крестовый поход состоится?

Антуан улыбнулся.

– Он сказал, что в знак особого отличия он удостоит тамплиеров права ношения белого плаща, как символа непорочности.

Бернар рассмеялся.

– Это сильно раззадорит другие ордена, которые уже обращались к нему с подобной просьбой и не получили высочайшего одобрения. Непорочность и воин – понятия несовместимые для церкви... Он утвердил эмблему?

– Да, Монсеньор. Восьмиконечный красный крест на белом поле.

– Как же насчет земель в Чехии? Надеюсь, его не смутила столь малая плата за услугу, которую мы ему, конечно, окажем?

– Как бывший цистерцианец, он одобряет наше рвение распространять учение святой церкви, но не понимает, почему мы заложили монастырь в такой глуши.

– Значит, за нами будут пристально наблюдать еще лет десять. Потом интерес к Седлецкому монастырю пройдет, и тогда мы сможем заняться разработкой серебряных руд. Не опасаясь, что Папа наложит на них свою руку.

Антуан вздохнул.

– Боюсь, что так, Монсеньор.

– Не надо бояться, мой мальчик. Доходов, которые приносит нам орден Тамплиеров, хватит лет на триста.

Бернар с тоской посмотрел на кровать и прошелся по комнате в раздумье.

– Теперь о Германии. Как скоро я должен отбыть?

– У вас есть два дня, чтобы привести в порядок свои дела во Франции.

– Мои дела всегда в порядке. Значит, у нас есть время, чтобы обсудить мои похороны.

Антуан замер. Наверное, он никогда не привыкнет к причудам святого Бернара.

– Похороны?

– Я хочу умереть, через год-другой после окончания крестового похода, который мы организуем для Его Святейшества.

Бернар дружески похлопал Антуана по плечу, чтобы хоть немного снять напряжение, сковавшее его помощника.

– И второй, и все последующие Крестовые походы успеха не принесут. И папа, конечно, обвинит во всех грехах тех, кто возглавит небесное воинство.

Антуан тяжело вздохнул:

– На какой день назначить ваши похороны?

– Лучше, если это будет конец лета. Подготовь все как полагается.

Антуан медлил. Бернар, уже собиравшийся лечь, спросил:

– Что-то не так?

Помощник набрался смелости и произнес:

– Несмотря на ваш высокий сан, нам придется отступить от традиционных цистерцианских похорон. Мы не можем положить вас на доски, обернув простым саваном. Нужен гроб, чтобы вы смогли продержаться до ночи, пока мы не освободим вас из могилы.

Бернар отмахнулся от него и прилег.

– Придумай что-нибудь или внеси изменения в Устав цистерцианского ордена. Капитул утвердит.

Бернар чувствовал крайнюю усталость, его глаза закрывались сами собой, но Антуан все не уходил.

– Задай мне последний вопрос и уходи!

– Где вы хотите жить после смерти, Монсеньор?

Бернар беззвучно рассмеялся:

– В раю!

– Тогда, может, этот новый монастырь в Чехии подойдет?

Бернар открыл глаза и с любопытством посмотрел на Антуана.

– Да, там скоро будет оживленный перекресток царственных интересов. Пусть будет Чехия. Подбери мне чешское имя и хорошую родословную. Я не могу явиться миру простолюдином.

Антуан поклонился и тихо вышел, унося с собой свечу. Высокая тяжелая дверь почти бесшумно закрылась за ним, и Бернар остался в темноте, не зная – закрыты его глаза, или он все еще продолжает смотреть вслед Антуану.

– Пусть будет Чехия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.